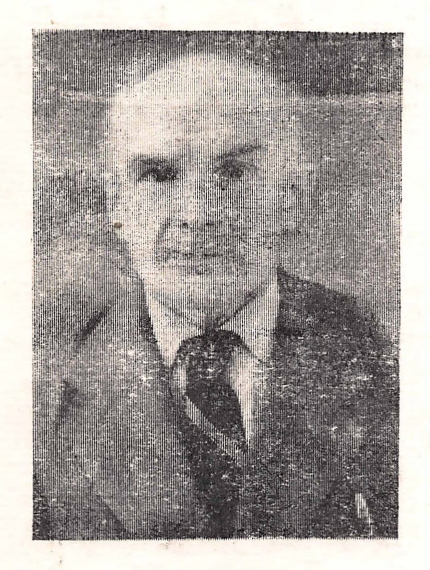
Костромское областное отделение Всероссийского фонда культуры

А. А. ГРИГОРОВ

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Кострома. 1990.

Печатается по решению Президиума Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры

Редакционная коллегия: Н. А. Зонтиков (составитель), Ю. В. Лебедев (отв. редактор), А. В. Соловьева (отв. за выпуск).

А. А. Григоров. Родная земля. Кострома. Костромское областное отделение Всероссийского фонда культуры. 1990. С. —

В сборник вошли краеведческие очерки и воспоминания, посвященные истории дворянских семейств, «гнезда» которых располагались на территории нынешнего Островского района Костромской области. Книга адресована историкам-краеведам, а также широким кругам читателей, проявляющим интерес к отечественной истории, к судьбе Костромского края.

8 октября 1989 года умер старейший костромской краевед, Почетный гражданин города Костромы АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРОВ. Он прожил долгую жизнь, восемнадцать лет из которых провел в лагерях и ссылках.

При жизни А. А. Григорова вышло четыре книги, в числе авторов которых был и он. Данная публикация — первый сборник его работ, и выходит он к годовщине смерти краеведа.

Объединяет помещенные в сборнике материалы история рода Григоровых, представленная описанием жизни наиболее ярких его представителей: прадеда Александра Николаевича, основавшего в Костроме первую в России женскую гимназию, дяди Николая Митрофановича — адмирала, участника Цусимского сражения, и самого Александра Александровича — одного из крупнейших историков нашего края.

А. А. Григоров подготовил несколько вариантов своей биографии, в сборнике помещены крупные отрывки двух из них — на наш взгляд, наиболее интересные.

Работы написаны в разное время, некоторые («Из жизни А. Н. Григорова», «Немного из истории села Спас-Заборье») датированы автором, время написания очерка «Н. М. Григоров» установлено по газетной публикации, отрывки из автобиографических воспоминаний и «Вотчины, поместья, усадьбы Григоровых» датировать пока не удалось.

В статьях краеведа заключен особый «григоровский» мир, войти в который нам еще только предстоит.В настоящее время областное отделение фонда культуры готовит к изданию большой сборник, включающий основные работы А. А. Гигорова.

Деньги, полученные от 1-го издания трудов А. А. Григорова, пойдут на увековечивание его памяти.

ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Я родился в самом начале 20 века, мои детские годы прошли в старой России, юность совпала с великими преобразованиями, вызванными крушением старого русского государства, становлением новой социалистической России.

Мне не пришлось самому участвовать в каких-либо событиях, повлекших создание нового государственного строя, я не знал лично никого из сделавшихся известными революционных деятелей или сторонников старой России, но на моих глазах прошла вся эпоха революции, гражданской войны и дальнейшего периода создания нового государства — Советского Союза — и его продолжающегося по сей день развития.

Будучи далеким от политики и партий, я не хотел бы, чтобы тот, кому попадутся в руки эти строки, по обычаям наших дней, прилепил бы к моему имени эпитет, оканчивающийся на «ист». Я не марксист, не ревизионист, не идеалист, я просто рядовой русский человек. Для меня нет «двух правд», «двух свобод» и т. д. Что хорошо — то всегда хорошо, а что дурно — то всегда дурно. И сейчас, прожив уже свыше пятидесяти лет после конца старой России, я думию, что могу более отчетливо различать достоинства и недостатки старого и нового общества. Изменения в человеческом обществе произошли разительные, но, не впадая в какую-либо идеализацию прошлого, нельзя не видеть, что изменилось в нашем обществе к лучшему, а что — к худшему.

Я не имею никакого литературного опыта, поэтому прошу не судить строго мои записки.

Я родился в средней полосе России, недалеко от Волги, в отдаленной от города и железной дороги дворянской усадьбе. Там прошли мои детские годы, и там же, после некоторого перерыва, началась моя самостоятельная и семейная жизнь. И несмотря на то, что настали годы, когда мне пришлось познакомиться и с другими частями нашей Родины, мне удалось на старости лет вернуться на берега Волги, и хочется закончить свои дни на родине...

Следует заметить, что все, что я хочу восстановить в этих записках, мне придется писать, лишь опираясь на свою память. Обстоятельства моей жизни сложились так, что у меня не сохранилось никаких архивных материалов. Ни документов, ни дневников, ни писем — было такое вре-

мя, что все это приходилось уничтожать или самому, или эти документы бесследно исчезли в чужих руках.

Так что вполне возможны ошибки как в хронологических датах, так и в самих фактах. Хотя я и надеюсь на свою память (а люди говорят, что Бог меня не обделил при рождении этим свойством), но не исключаю возможности, что кое-что из услышанного мною от окружающих могло преломиться в моем сознании. Но все же буду придерживаться только одних фактов, как бы они ни показались удивительными читателю, привыкшему к одностороннему изображению событий нашего прошлого.

Семья наша была старая, дворянская, незнатная и небогатая но имевшая деревню родословную — «столбовая» дворянская семья... По сведениям энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, первым известным лицом был некий Григор, женившийся в Новгороде в середине XIV века. Его сыном был Захар Григорьевич Григоров, по прозвищу «Заря». Сын последнего, боярин новгородский Иван Захарович, известен в XV веке.

Один из Григоровых, Захар, во время великого княжения Ивана III был в составе депутации, посланной новгородцами к великому князю с просьбой о сложении гнева на Новгород. Это было 1 декабря 1475 года. Во время новгородского мятежа Григоров Захар был убит вместе со своим братом Кузьмой в мае 1477 года. В 1495 году новгородские бояре Иван Иванович и Василий Иванович Григоровы были переселены из пределов Новгородской земли в пределы Московского Великого княжества. Их потомки — братья Федор и Воин Григоровы — находились в войске Ивана Грозного во время завоевания Казанского ханства. Оба эти Григоровы были убиты при штурме Казани 1 октября 1552 года. Их имена были записаны для вечного поминовения в Синодик Московского Кремлевского Успенского собора.

Есть упоминание, что третий брат Федора и Воина — Елистрат — со своей матерью Авдотьей, урожденной Кафтыревой, на помин души отца своего (имя его не указано)

и убиенных на брани братьев Федора и Воина сделал в 1554 году вклад в монастырь Святого Геннадия в Костромской губернии. Вообще, на протяжении XVI, XVII, XVIII веков род Григоровых имел поместья в пределах бывшей Костромской губернии.

Хранящаяся в Тульском архиве родословная Григоровых начинается с Федота, сына Елистратова, упоминаемого в качестве владельца имения в 1624 году. Дата его смерти — 1644 год. Его сын Степан в 1635 году называется в числе «боярских детей»; внук Василий в 1700 году числится как городовой дворянин города Рязани. Гаврила Григоров служил поручиком Черниговского полка. Его жену звали Устинья Панфиловна. Гаврила Григоров участвовал в походе на турок русских войск под командованием фельдмаршала Миниха в 1739 году. Его сын Василий в 1767 году был произведен в чин подпоручика. Гаврила Григоров и все его потомство были дворянами Тульской губернии, там владели поместьями и служили по выборам. Двоюродный брат Гаврилы Григорова — Николай Сергеевич — был секретарем Тульской дворянской думы в 1788—1794 годах. Сын Василия Гавриловича, Петр, служил судьей в Алексинском уезде. Другой сын Василия Гавриловича, Николай, был предводителем дворянства.

Николай Васильевич Григоров имел чин подпоручика, был женат на Анастасии Афанасьевне Соймоновой. В 1812 году Н. В. Григоров назначен начальником Тульского ополчения. Ввиду опасности от приближающихся летом 1812 года к Москве и Туле войск Наполеона, Н. В. Григоров перевез все свое семейство из Тульской губернии в Костромскую и после войны остался в ней. Вследствие этого дальнейшая судьба фамилии Григоровых связана (с начала XIX века) с Костромским краем.

Следует сказать о том, откуда на Костромщине взялись земли, принадлежащие Григоровым. Как было сказано выше, еще в XVI, XVII, XVIII веках некоторые из Григоровых получали поместья в Костромской губернии. Так, Андрей Васильевич Григоров в 1693 году упоминается как владев-

ший крепостными. Василий Степанович Григоров, отец Гаврилы, имел поместья в Чухломской и Кадыйской осадах в 1701, 1711 годах. Что из этих земель осталось в руках Григоровых к началу XIX века, мне не известно, но во многих местах костромского края сохранились селения под названием Григорово. Одно из сел в Кадыйском районе явно имеет связь с фамилией Григоровых, так как в документах о постройке храма в селе Григорове в начале XIX века упоминается о том, что средства на постройку храма давали местные владельцы, господа Григоровы. Кроме того, Н. В. Григоров, женившийся в 90-х годах XVIII века на А. А. Соймоновой, получил в приданое в Кадыйской округе несколько деревень в Спас-Заборском приходе.

Происхождение этих владений Соймоновых таково. Дед А. А. Соймоновой, Федор Иванович Соймонов, по преданию, приходившийся двоюродным братом Петру I (мать Ф. И. Соймонова, Анастасия Кирилловна, была родной сестрой Н. К. Нарышкиной, матери Петра I), в царствование императрицы Анны Ивановны привлекался Бироном по делу Волынского и Хрущова, обвиняемых в государственных преступлениях. Волынский, Хрущев и Еропкин были казнены, а остальные обвиняемые, в том числе и Ф. И. Соймонов, наказаны кнутом на площади Ситного рынка в С.-Петербурге и сосланы в Сибирь. По воцарении императрицы Елизаветы Петровны они были возвращены и впоследствии реабилитированы, причем, так как все имения осужденных были конфискованы, то в виде компенсации государыня пожаловала (в числе других) Ф. И. Соймонова землями в Тамбовской и Костромской губерниях. Часть этих земель от Ф. И. Соймонова перешло по наследству его сыну Афанасию, а последний целый приход дал в приданое своей дочери, вышедшей замуж за Н. В. Григорова. О Ф. И. Соймонове есть статья как в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, так и в БСЭ.

Начиная с петровских времен и до самой революции 1917-го года, ни один из Григоровых не поднимался по службе выше чина поручика. Поэтому у них не было ни богатства, ни связей. Это была самая рядовая дворянская

семья, гордившаяся только тем, что все Григоровы честно служили (хотя и на малых должностях) русским князьям и царям, и ни один из них не запятнал своего имени какими-либо бесчестными поступками. Помимо того, после женитьбы Н. В. Григорова на А. А. Соймоновой, их дальнейшие потомки утешали свою гордость родством с русскими царями (через мать Петра I), хотя сами цари вряд ли слыхали что-нибудь о таких родственниках.

После войны 1812 года подпоручик Н. В. Григоров с семьей остался на постоянном жительстве в Костромских краях, где и умер в 1848 году. Свои владения он разделил между детьми: тульские земли почти все отошли ко второму сыну — Николаю Николаевичу, а костромские, расположенные в Макарьевском и Кинешемском уездах, — остальным сыновьям: старшему Александру и младшим — Ивану и Сергею и дочери Марии. Александр Николаевич Григоров (1800—1870) был мой прадед.

В молодости Александр Николаевич служил в 23 артиллерийской бригаде. Но уже в 1823 году вышел он в отставку в чине поручика, служил по выборам от дворянства капитаном-исправником, а большей частью жил в своей усадьбе «Александровское-Пеньки» или в городе Костроме, где у него был свой дом.

В молодые годы Александр Николаевич влюбился в дочь костромского крупного чиновника и родовитого дворянина, представителя одного из старейших родов Костромской губернии А. Полозова — Марию. Но, хотя Александр Николаевич и пользовался взаимностью, строгий отец Марии Александровны не дал своего согласия на брак, считая А. Н. Григорова незнатным, бедным дворянином, и, как это было нередко в те годы, выдал свою дочь замуж за некоего Овцына — тоже знатного и богатого костромского дворянина, ведущего свой род от удельных муромских князей, однако пьяницу и, вообще, грязного человека. По счастию для Марии Александровны, этот брак был недолгим. Овцын через год с небольшим умер «от излишеств», и Мария Александровна осталась молодой и богатой вдо-

вой. Теперь уже грозный отец никак не мог ей, свободной вдове, помешать снова выйти замуж за кого она хочет, и по прошествии положенного времени Мария Александровна вышла замуж за Александра Николаевича Григорова. Это было в 1825 году. Брак был счастливый, но, увы, недолгий. В 1834 году Мария Александровна умерла от родов при появлении на свет моего деда Митрофана Александровича. Александр Николаевич остался вдовцом, с тремя мальчиками и девочкой, живя обычной для того времени жизнью рядового дворянина-помещика — то в своей деревне, то в губернском городе. Старшего сына, Ивана Александровича (1826—1892), отдали учиться в Ярославский Демидовский лицей, других сыновей — Кронида Александровича (1830—1856) и Митрофана Александровича (1834—1894), моего деда — в Нижегородскую гимназию, а дочь Людмилу Александровну воспитывали дома. 1848 году умер отец Александра Николаевича — Николай Васильевич, оставив по завещанию своим детям все земли. Александру Николаевичу досталась усадьба Старое Покровское, куда он и перебрался на жительство из усадьбы Александровское-Пеньки, где к этому времени господский дом пришел уже в ветхость.

В середине 40-х годов Александр Николаевич познакомился в Костроме с Александрой Васильевной Голубковой, сестрой Платона Васильевича Голубкова, миллионера и золотопромышленника. П. В. Голубков умер бездетным, и все его состояние перешло к сестрам — Александре Васильевне и Ольге Васильевне — и приемному сыну, вскоре также умершему. Сестры Голубковы вышли замуж: Александра Васильевна за А. Н. Григорова, которому было в это время уже около 47 лет, а Ольга Васильевна за некоего Рымшина. Александра Васильевна принесла своему мужу Александру Николаевичу Григорову богатое приданое, включая Мерлинские прииски в золотоносной Енисейской тайге Красноярского края. И бедный до того времени дворянин вдруг стал одним из богатейших помещиков Костромской губернии.

Женившись на Александре Васильевне, Александр Николаевич стал большею частью проживать в Костроме,

причем немалое количество денег он обратил на различные благотворительные цели, в их числе: помощь в восстановлении после пожара 1847 года Богоявленского монастыря, восстановление после пожара 1847 года городского театра, а главное — постройка здания женской гимназии (ныне одно из зданий Костромского пединститута имени Некрасова), открытой в 1857 году. Помимо постройки и оборудования гимназии всем необходимым, Александр Николаевич дал гимназии в вечное владение большой участок земли и леса (несколько сот десятин), установил стипендии для учащихся, создал пансион для девиц, обучающихся в гимназии. Эти и другие благотворительные дела принесли Александру Николаевичу большую известность в те годы не телько в Костроме, и губернии, но и в столице. Это видно из того, что небогатый до последнего времени и мало кому известный дворянин был награжден орденом св. Владимира 4 и 3 степеней и чином действительного статского советника 4 класса, что было весьма значительной наградой. В эти годы — конец 40-х годов и до самой смерти Александра Николаевича, последовавшей 13 января 1870 года, — его имя часто можно встретить на страницах Костромских губернских ведомостей и в документах дворянского собрания тех лет (в общественной жизни тогдашнего дворянского общества Александр Николаевич также играл немалую роль).

Старший сын Александра Николаевича (брат моего деда), Иван, учившийся в Ярославском Демидовском лицее, курса в нем не кончил. Будучи еще совсем юношей, он узнал и полюбил крестьянскую, свою же крепостную девицу из деревни Малинки — Прасковью Ивановну— и хотел на ней жениться. Отец, узнав об этой связи, задумал женить сына на девушке из дворянской семьи Карташовых-Тверских. Назначен был бал — смотрины невесты, но Иван Александрович наотрез отказался от женитьбы на Карташовой. В наказание за непослушание Александр Николаевич «сослал своего сына в Сибирь», то есть отправил его на Енисейские золотые прииски в качестве управляющего. Иван Александрович уехал в Сибирь, взяв с со-

бой и Прасковью Ивановну, не венчанную, но фактическую свою жену. Добавим, что отец дал свое «помилование» старшему сыну много позднее, когда у Ивана Александровича и Прасковьи Ивановны старшим дочерям было более 20 лет. Они так и не носили фамилии Григоровых, а, будучи «незаконными», писались «Ивановы». Церковный брак — венчание Ивана Александровича и Прасковьи Ивановны — произошло уже тогда, когда у них были взрослые дети, — в 1864 году.

Дед мой, Митрофан Александрович, окончив Нижегородскую гимназию, служил в Гренадерском Перловском полку, дослужился до чина поручика и вышел в отставку перед своей женитьбой.

Женился он в 1859 году на своей троюродной сестре Анне Николаевне Соймоновой. Как уже было сказано, на Настасье Николаевне Соймоновой, был женат дед моего деда — Николай Васильевич Григоров, так что между домами Соймоновых и Григоровых родственные связи были уже с 30-х годов XVIII века. Отец Анны Николаевны — Николай Иванович — приходился племянником Настасье Афанасьевне, и, хотя Соймоновы жили в Тамбовской губернии, а Григоровы во Костромской, общение между домами не прекращалось.

Анна Николаевна была маленькой девочкой увезена из родного дома в Кирсановском уезде Тамбовской губернии в Петербург, в Смольный институт. Отец ее, Николай Иванович Соймонов, имел чин поручика. Мать Анны Николаевны, Елизавета Сергеевна, урожденная Вышеславцева — сестра писателя, путешественника, врача и общественного деятеля. Бабушка, Анна Николаевна, получила отличное образование (кончила Смольный институт с шифром), имела богатейшую память, и в детстве я слышал от нее очень много рассказов о старых годах. Она помнила далекое крепостное право, лично раз видела императора Николая, «обожала» его, как и все институтки.

Дед мой, Митрофан Александрович, был завидным женихом, так как отец его обладал золотыми приисками. Еще

при жизни мой прадед Александр Николаевич выделил своему сыну — моему деду Митрофану Александровичу — ко времени его женитьбы землю, усадьбу и деревни. Сперва дед с бабушкой жили в Костроме, но как только началась крестьянская реформа, они переехали в деревню, поселились в усадьбе Старое Покровское, в доме своего отца. Дедушка принимал активное участие в освобождении крестьян, был избран мировым посредником, пользовался любовью и доверием местного крестьянского населения и даже возбудил против себя большое неудовольствие со стороны группы помещиков, обвинявших деда в том, что он ставит интересы крестьян выше интересов дворян. Затем дед был избран мировым судьей, и далее — почетным мировым судьей в чине надворного советника.

Имея хорошие средства, дед с бабушкой вскоре после переезда в деревню решили построить себе усадьбу. Бабушка, очень умная и образованная женщина, сама составила проект дома, выбрала для него причудливый мавританский стиль, подыскала живописное место для постройки — и дело пошло. Выбранное для усадьбы красивое место вне пределов собственных земель деда и бабушки (известное в то время под названием «Осиное гнездо» и принадлежавшее помещице Савельевой, никогда сроду на своих землях не бывавшей и не видавшей их) было куплено незадорого. И вот на самом краю вновь образованной Троицкой волости, в 6 верстах от приходской церкви Спас-Заборье, на крутом берегу реки Медозы в 1870 году возникла новая усадьба под именем «Александровское», названная так в честь прадеда, на чьи деньги была сделана эта постройка.

Усадьба Александровское, в которой родился и я, была со всеми необходимыми для того времени постройками, оранжереями, садом, огородом, хорошими экипажами и лошадьми. Дом — деревянный, в затейливом уборе из разных украшений — был большой, боковые приделы в два этажа, а середина в один этаж.

Не сумею рассказать, по каким причинам от большого богатства, доставшегося деду от прадеда, уже через 15—20

лет не осталось ни гроша. Возможно, дед в карты играл, а может быть, просто ему не везло — он, как и все Григоровы, начиная с прадеда, был очень увлечен мельничным делом. Строили мельницы на реках — Медозе, Киленке, затрачивали на них большие деньги, но все эти деньги погибали: обычно плотины на реках проносило, и вместе с плотинами уносились и денежки. Конечно, в разорении дедушки не одни мельницы виноваты, но теперь узнать не у кого. В 80-х годах прошлого столетия никаких богатств у деда уже не было. Все имущество заключалось в усадьбе Александровское и земле по деревням Березовке, Малинкам, Чепурихе и урочищу Б. Магуриха — всего 714 десятин.

Отец мой — Александр Митрофанович — окончил в Москве лицей цесаревича Николая (Катковский лицей), затем учился в Горном институте, но бросил его, поступил в Алексеевское военное училище и по окончании вышел подпоручиком в Лейб-Гвардии С.-Петербургский полк, стоявший в городе Варшаве. Учился отец отлично, окончил лицей с золотой медалью, а военное училище — первым, почему и был выпущен в Гвардию. После смерти своего отца — моего деда — в 1895 году отец вышел в запас, принялся за хозяйство в Александровском и в то же время активно участвовал в общественной жизни, постоянно был гласным уездного и губернского земств, попечителем многих учебных заведений и т. д.

Как было сказано выше, все Григоровы имели какую-то страсть к сооружению мельниц. Не избежал этого и мой отец. Но его мельница была уже не обычная, деревенская, с водным колесом, стоящая одиноко в лесу где-нибудь в уединенном месте. Недалеко от усадьбы на реке Медозе (кроме мельницы — высокого нового здания с двумя мельничными поставами, была построена вполне современная плотина с водяной турбиной, от которой приводились в движение маслобойный завод, водонасосная станция и большая сложная молотилка, В усадьбу, где стояла водонапорная башня, был проведен водопровод, и воду провели как к господскому дому, так и к скотному двору.

Скотоводство и молочное хозяйство развивалось на новой основе. Поставлена была задача путем селекционного отбора вывести из местной новую породу молочного рогатого скота. Стали приобретаться дипломированные породистые быки голландской породы, покупка их производилась в имении графа Кейзерлинга в Ковенской губернии или в одном из образцовых хозяйств восточной Пруссии. Каждый бык прибывал с дипломом-родословной, и я помню их всех по именам: 1 — Синьор, 2 — Маркграф, 3 — Леонид, 4 — Матейс, 5 — Дромад. Все это стоило больших затрат, для чего отцом была взята ссуда под залог имения в размере 25 тысяч рублей.

В развитии молочного хозяйства и скотоводства деятельное участие принимала сестра отца — моя тетка Мария Митрофановна, впоследствии работавшая в Смоленском губернском земстве в должности инструктора молочного хозяйства. В послереволюционное время она (до 1933 года) работала специалистом по животноводству в совхозе Издемково Смоленской области.

Хозяйство моего отца процветало, но в одну из осеней (кажется, 1906 года) был сильный осенний паводок, мельницы, вернее турбины, пришлось остановить, мельник — житель одной из деревень километрах в десяти — отпросился домой, и весь мельничный комплекс остался без надзора. По неизвестной причине ночью вспыхнул пожар в льнотрепальне, а противопожарных средств не было никаких. Когда сбежались люди, огонь уже охватил и мельницу, и маслобойку. Сгорело все. Удалось отстоять только старую мельницу и сложную молотилку. Потери и убытки были очень велики, и лишь спустя 8 лет начались работы по восстановлению мельницы и плотины, но начавшаяся в 1917 году революция остановила эти работы.

Несмотря на гибель мельницы, молочное хозяйство продолжало развиваться успешно. Продукция — сливочное «Парижское» масло, сметана, голландский сыр — вырабатывалась отличного качества и очень охотно покупалась известными тогда на всю Россию торговыми фирмами

«А. В. Чичкин» и «Братья Бландовы».

Некоторое подспорье давало и птицеводство, которым занималась другая сестра моего отца — Людмила Митрофановна, называемая «тетей Милюшей». В годовалом возрасте она упала со стола, получив искривление позвоночника, и осталась на всю жизнь горбатой. Не получив, как ее сестры, вследствие физического недостатка классического образования, тетя Милюша, наделенная хорошими способностями, сама постигла все науки, изучив языки, и была очень образованным человеком. Ее горбатость послужила причиной как некоторого отчуждения от жизни остальных членов семьи, так и ее образа жизни. В жизни нас, детей, она играла очень значительную роль: она была с нами круглый год, и зимой и летом, тогда как другие тетки — сестры отца — большею частью жили у нас в усадьбе только летом.

В целом все хозяйство давало дохода столько, что этого дохода с трудом доставало, чтобы оправдать расходы, ведь нужно было содержать рабочую обслугу для скота, молочной, сыроварни, полевого хозяйства.

Некоторое подспорье было от Енисейских золотых приисков, в которых по наследству от своего деда Александра Николаевича имел долю мой отец. Какая сумма дохода ежегодно доставалась на долю отца, я не могу сейчас сказать, равно как и не могу сказать, какова была доля отца в этих приисках. Помню только, что ежегодно отец получал экземпляр годового отчета о деятельности приисков, в то время находившихся под управлением какого-то акционерного общества, в котором видную роль играл Б. К Полетаев, внук моего двоюродного деда — Ивана Александровича Григорова. Помнится годовой отчет этого общества за 1912 год — было добыто золота 37 с половиной пудов.

Но все эти доходы целиком поглощало содержание усадьбы, и на выплату ссуды и процентов по ней никогда не хватало денег. На моей памяти был случай, да и не один (в 1911 году и в 1913 году), когда Дворянский банк, в котором была заложена земля и усадьба, давал объяв-

ления в газетах о назначении торгов на продажу наших земель. Помню даже, как в 1912 году приезжал оценщик банка для осмотра и оценки дома, что привел мою мать, бабушку и нас, детей, в неописуемый ужас. Но, мобилизовав все ресурсы, призаняв денег у старшей сестры отца Анны Митрофановны (1862—1942), удалось уплатить проценты, сама же ссуда в 25 тысяч рублей так и осталась неуплаченной к 1917 году.

В общем же, несмотря на постоянное плохое денежное положение отца после пожара мельницы, ему, удавалось сохранить в доме уровень жизни, достойной его положения. Отец неоднократно исполнял должность предводителя дворянства, был видным земским деятелем, попечителем многих учебных заведений, членом и председателем многих уездных и губернских общественных предприятий, обществ и т. д. Порядок в доме и в семье он поддерживал на должном уровне.

Теперь надо сказать об остальных членах семьи моего отца. У дедушки с бабушкой детей было очень много — 16 человек, из них 3-е умерло в детстве, а 13 из них они вырастили и всем дали отличное образование. Старшие сестры отца, мои тетки, — Анна Митрофановна и Александра Митрофановна — получили хорошее домашнее образование, у них были хорошие гувернантки и домашние учительницы.

Все Григоровы обладали отличными способностями, у всех была хорошая память, все они, кроме Алексея, заканчивали курсы своих заведений с золотыми медалями и большим количеством наград при переходах из класса в класс. Особенно выделялись своими способностями младшие — Михаил и Наталия.

Дядя Николай Митрофанович из лицея перешел вскоре в Морской корпус, окончил его первым, получив премию в 330 рублей.

Обо всех их и о их судьбе попытаюсь рассказать дальше.

В 1899 году мой отец женился на Вере Александровне Матвеевой. Ее отец, умерший еще в 70-х годах прошлого

века, был потомственный дворянин, но уже утративший связь с землей. Он имел чин полковника, всю жизнь прослужил на военной службе и в последнее время был начальником крепостной артиллерии в крепости города Варшавы. Почти все его дети — братья моей матери — тоже были военные, и со стороны моей бабушки, урожденной фон Минкельде, остзейской дворянки, все родственники также были военными и придворными. Всех нас было у отца четверо. Старшая сестра Людмила, брат Митрофан, я и младший брат Иван.

Во время моего раннего детства в нашей родовой усадьбе Александровское состав семьи был таков: самая старшая — владелица усадьбы Анна Николаевна, моя бабушка по отцу. Затем — отец, мать, старшая сестра Людмила, старший брат Митрофан и я. Дядя с отцовской стороны — Алексей Митрофанович, называемый в семье «Дюдя», тетки — Мария Митрофановна и Людмила Митрофановна (горбатая).

Распределение обязанностей в семье было таково: отец был главным ведущим, Дюдя ведал оранжереей, садом и огородом, тетя Маня — молочным хозяйством и скотоводством, а тетя Милюша — птицеводством. В доме бразды правления — ключи, кухня, кладовая—были в руках моей матери. Кроме родных, в доме проживала воспитанница матери (взятая из костромского приюта незаконнорожденная дочь костромского дворянина А. И. Бирюкова).

Существовал необходимый штат домовой прислуги, дворни и рабочих, обслуживающих полеводство и скотоводство, — всей этой дворни было человек 20—25, некоторые с семьями. Помимо того, в усадьбе проживали несколько бывших крепостных, оставшихся после отмены крепостного права у «господ» по их личному желанию и с согласия самих господ. Эти старики имели в усадьбе стол и кров и в праздничные дни наравне со всей дворней получали праздничные подарки. Из них особенно запомнился «Федя немой» —глухонемой старик с благобразным лицом и седой бородой лопатой. Этот Федя, конечно, не нес никаких обязанностей, но сам, не желая быть дармоедом, почему-то выбрал себе дело — ухаживать за садом и огородом, а зи-

мой — разносить дрова в барском доме к многочисленным печам и каминам. Запомнилось почему-то, что этот Федя немой каждый месяц приходил в столовую и подолгу рассматривал висевший на стене над столиком отрывной календарь. И хотя в господский дом вход для рабочих и всей дворни без какого-либо дела и специального распоряжения господ был запрещен, Федю номого никто не останавливал даже тогда, когда он являлся в столовую во время завтрака, то есть, когда вся семья сидела в сборе за столом.

Еще следует упомянуть Анну Евграфовну. Эта старая женщина была разбита параличом и лежала недвижимо. В память ее прежней службы еще в крепостное время она и еще одна старуха — бабушка Евгения — были оставлены господами в усадьбе до их смерти. Еще был дедушка Яков, по специальности сапожник, причем очень хороший мастер своего дела. Он жил в бывшем кабаке (впоследствии, по упразднении кабаков, в этом доме помещалась чайная и библиотека общества трезвости, закрытая примерно около 1909 года, так как в ней почти не было ни посетителей чайной, ни читателей). Дом этот, называемый до последнего времени «кабаком», стоял вне усадьбы на дороге вблизи моста через реку Медозу, напротив деревни Данильцево.

В господском доме жила также старая нянюшка — няня Текуса, вынянчившая и вырастившая всю многочисленную семью — моих дядей и теток, начиная с тети Милюши. Няня Текуса жила вместе с господами, в одной комнате вместе с тетей Милюшей. Это была чудесная старушка, горячо любившая всю старшую семью, а после того, как на свете появились младшие Григоровы — мы, она перенесла свою любовь и на нас, малышей.

Во второй, «черной», половине дома жили няньки, горничные, кухарка и упомянутые выше бабушка Евгения и разбитая параличом Анна Евграфовна.

Няни у нас, детей, были у каждого свои. У сестры была Маланья, называемой няней Мими, у брата — няня Катерина, а у меня — няня Дарья. Это все были крестьянские девушки из недальных деревень. По мере того, как мы вырас-

тали, няни нас передавали боннам, или, как мы их называли, «фрейлинам». Сестру очень рано отдали в Московскую женскую классическую гимназию С. Н. Фишер, в приготовительный класс, на полный пансион, и она появлялась дома только на лето и на Рождество. А с отъездом сестры, когда и мы с братом стали подрастать, на смену фрейлинам появились учителя из студентов. Всех их перебывало у нас четверо. Первый — студент Варшавского университета, поляк, по имени Казимир Станиславович. Странно было видеть в нашей консервативной и крайне националистической русской семье этого поляка. От отца он тотчас же получил прозвище (отец всем любил давать прозвища) «Витебский тетерев», хотя сам он, Казимир Станиславович, был родом из Вильны. Случилось так, что в одну из зим, перед Рождественскими праздниками, мы с братом заболели брюшным тифом. Казимир Станиславович, использовав это обстоятельство, на время болезни отпросился домой — и больше не вернулся

После него был студент С.-Петербургского университета Аркадий Васильевич Мишустин. Это был хороший учитель и симпатичный человек. Впоследствии, в 1914 году, он был призван в армию и погиб на фронте. После него был московский студент Георгий Константинович Гассанов, пожалуй, наилучший из всех учителей. С ним я не терял связи до 1937 года, когда обстоятельства разлучили нас, видимо, навсегда. Последним был воспитанник Московской Шелепутинской гимназии (восьмой), студент историко-филологического факультета Московского университета Иконописцев Н. В. Наилучшие воспоминания оставил о себе Г. К. Гассанов.

Сперва нас с братом готовили для поступления в Московский лицей цесаревича Николая (Катковский лицей). Но затем это намерение было изменено, и нас стали готовить для поступления в кадетский корпус. Поэтому я имею только первоначальное знакомство с латинским языком.

К начальной стадии ученья я еще вернусь, здесь только отмечу, что изменение в выборе образования было выз-

вано вот какими причинами: костромское дворянство располагало большим капиталом, оставленным в 1834 году капитаном-лейтенантом В. И. Дурново. Этот капитал был завещан костромскому дворянству для использования его на цели получения образования детьми костромских дворян. По воле В. И. Дурново, на проценты от этого капитала должны были воспитываться дети недостаточно обеспеченных дворян (6 человек в Морском корпусе и 6 человек в 1-м Московском кадетском корпусе). Поскольку в завещании не было предусмотрено обучение дворянских детей в лицее (и не могло быть, так как В. И. Дурново умер в 1834, а Катковский лицей был открыт в 60-е годы), то с юридической стороны Дворянское собрание не имело права платить за обучение дворянских детей в лицее. Правда, в XIX веке при предводителе дворянства А. И. Шипове этот порядок нарушался — в лицее на эти средства в 80-е годы обучались мои дяди — Д. М. и М. М. Григоровы. Но А. И. Шипов имел из-за этого неприятности, дело дошло до Сената, вынесшего определение, что средства из капитала В. И. Дурново могут быть расходуемы только в точном соответствии с волей завещателя. Когда это стало известно, родители наши изменили свой первоначальный план и решили отдать нас в корпус.

В детские годы товарищами наших игр были дети дворовых, из них наибольшее место занимал сын «черной» кухарки Секлетеи — Колька, ныне инженер Н. С. Румянцев. Он был несколько старше меня и прожил в усадьбе до самого нашего выезда из нее — осени 1918 года. Правда, между нами, барчуками, и Колькой была «дистанция огромного размера» — мама не разрешала Кольке играть с нами в доме, но зато на воле — на дворе, на скотном, на конюшне, на реке, в лесу —Колька был нашим постоянным спутником. С крестьянскими ребятишками соседних деревень мы не имели общения, это строго запрещалось мамой. Только на Рождество, когда в зале дома устраивалась елка, на нее приглашались дети окрестных крестьян из деревень Данильцева, Малинок, Шегар.

С соседними помещичьими семьями наша семья почти не зналась. Только близкие родные — семья И. И. Григорова, проживавшая в двух верстах в усадьбе Ново-Покровское, были частными гостями у нас, а мы у них. Дочери И. И. Григорова — Соня и Вера (Ельник, как мы все звали ее в детстве) — были нашими подругами в детские годы. Они были отданы в гимназию Фишер, а до этого не проходило недели, чтобы или мы у них, или они у нас не побылави. Это в обычное время, а в праздники, в дни рождения и именины всегда бывали вместе.

Изредка приезжали двоюродные братья и сестры Шулепниковы — дети моей тетки по матери, они жили в 25 верстах в усадьбе Погост близ города Кинешмы. Но все они были старше нас, а младший Коля — моложе, так что близости между нами не было.

Почти каждое лето приезжали другие братья и сестры: со стороны матери — Колмаковы из города Варшавы, Матвеевы из города Радома, со стороны отца—Григоровы из города Вятки. Эти почти все по годам подходили к нам, и особенно близкими были дети тетки О. М. Григоровой — Гриша, Андрюша, Леночка и Оля. Оля была моя ровесница, и до сего времени мы с ней сохранили самые лучшие, близкие, родственные отношения.

Я начал помнить себя очень рано. Самое раннее воспоминание — это о пожаре мельницы. Помню, я ночью проснулся от какого-то шума в комнате. Сквозь шторы на окне просвечивало багровое зарево, то яркое, то временами потухавшее. От этого зарева золоченая риза на иконе Божьей Матери, висевшей в углу нашей комнаты, то вдруг ярко светила, то делалась темной. Помнится беготня в доме, мама, плачущая и стоящая на коленях в углу своей спальни перед иконой Спасителя. Меня тотчас подхватила старая нянька Текуса и, уложив в кроватку, стала успокаивать и петь песенки, которые я очень любил. Это случилось, когда мне было около трех лет.

Затем очень хорошо помню отъезд сестры в гимназию. Мне тогда было около 4-х лет. Помню вывоз на Магуриху

в начале лета основной массы нашего молочного скота. Помнится телега, запряженная Рыжкой, на телеге среди прочих вещей маленький синий сепаратор Альфа Ловаль, и сверх всего — грузная главная скотница Евфросинья Петровна, своим зычным голосом на весь двор кричавшая что-то скотницам и скотникам. Сзади к телеге привязан был бык «Маркграф», веревкой за рога и за черное кольцо в носу. Этот ежегодный выезд вызывался следующими причинами: кроме усадьбы Александровское, где мы жили, бабушке еще принадлежала усадьба Магуриха верстах в шести от Александровского. Там были каменные скотные дворы, а главное — земля там не обрабатывалась и были отличные условия для летнего выпаса коров. А в Александровском для пастбища не было таких обширных мест, так как вся удобная земля была занята посевами, а на лугах надо было косить сено на зиму для скота, которого было в среднем: дойных коров около 30, столько же молодняка, штук 40 овец и лошадей до 15 голов. Поэтому в начале каждого лета основная масса скота со всей обслугой перегонялась в Магуриху, а в Александровском оставалось 6-8 коров (для пропитания — на молоко) и овцы. Свиней также перевозили на Магуриху. Осенью же вся эта процессия двигалась обратным путем в Александровское. Это было незабываемое зрелище. Коровы приходили в волнение, ревели на все голоса, связанные свиньи визжали на телегах, раздавалось звучное щелканье «гусевого» кнута. Но все эти звуки покрывал истошный голос Евфросиньи, Свое громогласие Евфросинья объясняла тем, что до Александровского, куда она поступила на должность главной скотницей в конце 90-х годов XIX века, она служила у господ Понизовских, которые, якобы были глухие.

Помнится также одна зима, когда у нас появился маленький новорожденный медвежонок. Дядя Алексей Митрофанович, называемый Дюдя, Иван Иванович Григоров из усадьбы Ново-Покровское, Иван Иванович и Сергей Иванович Григоровы из усадьбы Березовка, Алексей Иванович Григоров из города Кинешмы — все были большие охотники и отличные стрелки. С начала каждого охотничьего

сезона открывались охоты (причем, часть облавами на волков, лисиц, зайцев), и каждую зиму были медвежьи охоты на берлогах. В то время в наших местах во множестве водились всякие звери и птицы и для охотников было настоящее раздолье. Троицкая волость, самая большая по площади и самая маленькая по количеству населения из всего Кинешемского уезда, была большей частью покрыта лесом. Сразу же за воротами усадьбы начинался лес, называемый «Епишей»; сперва была часть нашей Епиши, за ней — Епиша Малиночная, принадлежавшая крестьянам деревни Малинки, а за ней — Епиша Покровская, принадлежавшая Ивану Ивановичу Григорову из усадьбы Покровское. За рекой Киленкой, на которой стояла усадьба Ново-Покровское Ивана Ивановича Григорова, тянулся так называемый «Бор» — большой лес до самых границ Ивашевской и Николаевской волостей, также трех владельцев: Бор Григоровский, Бор Галашинский и Бор Тихомировский. Одним своим боком этот Бор выходил на реку Медозу. Вверх по реке Киленке, по ее левой стороне, тянулся Бор Березовский, соединявщийся с необозримыми лесами, расположенными по рекам Нерехта, Недога, и Желвата, и с казенной Владыченской дачей. С восточной стороны эти леса переходили уже в Макарьевский уезд, а с юга доходили до самой Волги — между устьями рек Медозы и Желваты.

И вот в одну из февральских охот на берлоге была убита медведица, а только что родившиеся у нее четыре медвежонка, еще мокрые, были разобраны охотниками. Один из них был взят «Дюдей» и привезен к нам. Его, такого маленького, беспомощного, слепого, посадили в корзиночку с крышкой, стали поить через соску из бутылочки теплым молоком, и медвежонок начал расти. Первые свои месяцы он провел в доме и был лучшим товарищем для игр. Мне было в этот год не более 4-5 лет.

Помнится также отъезд мамы с сестрой в Варшаву, в гости к Колмаковым, на несколько месяцев. Это была первая запомнившаяся мне разлука с мамой. Но у нас была бабушка, которая вполне могла заменить мать, и, помнится,

во время разлуки с матерью бабушка стала еще ближе, роднее. Тогда мне было 4-5 лет, но я уже узнал грамоту — не только русскую, но и французскую. Дело в том, что когда дома начали учить сестру и старшего брата, я обычно во время уроков был тут же в комнате и, шутя, выучил сам азбуку, а затем научился и читать. Бабушка же, бывшая смолянка, в совершенстве владела французским языком и пожелала, чтобы мы, ее внуки, знакомились с этим языком с ранних лет. Бабушка заговаривала со мной по-французски и требовала ответов на этом языке, заставляла читать и переводить первые страницы из «бессмертного Марго» — учебника французского языка, по которому учились все дети бабушки, да, наверное, и она сама. Она окончила Смольный институт в 1858 году.

После пяти лет я все помню уже подряд, почти что день за днем.

Хочется немножко рассказать об обстановке в комнатах нашего дома и его обитателях. С главного подъезда было застекленное, так называемое, «главное» крыльцо. В нем не было ничего, кроме двух скамеек по стенам. В углу обычно стояли удочки и прочие рыболовные принадлежности: отец был большой любитель рыбной ловли и особенно ужения, В те годы рыбы водилось в реке очень много, но, бывало, отец говаривал: «А столько ли было рыбы раньше! Помню, вот тут я поймал окуня на 5 фунтов, а тут щуку на 25 фунтов». Правда, и при мне ловились и окуни, и щуки, и даже очень неплохо, но раньше, стало быть, в 70-е—80-е годы, было еще лучше. Так же и с охотой. Помню приезды с облав с Магурихи: в дровнях-розвальнях — груды зайцев, лисы, волки...

Из парадного крыльца дверь вела в переднюю. Тут стояло трюмо, под ним—стол с ящиками. Трюмо и стол отделаны красным деревом. В ящиках — перчатки, рукавички, шарфы. А по стенам — вешалки, на них пальто, шубы. Так приятно было, пробегая через переднюю, забежать под шубу — папину, хорьковую, с болтающимися хвостиками, или под тяжелую енотовую, или под бабушкин лисий салоп,

или мамину беличью ротонду! Свою соболью шубу мама не оставляла в передней, а вешала у себя в гардеробе. В одном углу на короткой вешалке висела «николаевская» шинель с бобровым воротником. Это была шинель прадеда Александра Николаевича, полученная с тех пор, когда он служил в артиллерии (20-е годы XIX века). Из передней вели три двери: одна в «залу», другая в нашу «детскую» комнату и третья в бабушкину комнату. В залу и в детскую двери были двухстворчатые, а к бабушке — одностворчатые.

В нашей «детской» посередине стоял стол «учебный», над ним — висящая лампа-молния под абажуром. По стенам — кровати, при каждой кровати — ширма. В углу — умывальник, по одной стене — так называемый «пеленальный стол», на нем, как видно, нас, еще совсем маленьких, перепеленывали. Этот стол был с откидными крышками и тумбочкой в виде комода. Два окна с большими синими шторами выходили во двор близ парадного крыльца. В них всегда можно было видеть всех подъезжающих к крыльцу и по знакомым лошадям угадывать, кто приехал.

Вообще, лошади играли в детстве у нас значительную роль. У каждого из нас была «своя», как бы подшефная, лошадь. И хотя эта лошадь не освобождалась от обычных работ, но, поскольку она была «моя», я наблюдал за ее кормлением, носил ей лакомые кусочки и, конечно, с самых малых лет приучался садиться верхом и ездить. Так, у сестры была «своя» лошадь — «Молодеженка», у брата — вороной «Князь», а «мой» был преумный и хитрый «Рыжко». Также у каждого из нас была и «своя» подшефная корова: у сестры — чернопестрая «Милка», у брата — черная «Краля», у меня — умнейшая проказница черная «Озорница». Младший брат Ваня, родившийся много позже, перед самой войной 1914 года, уже не имел всех этих детских радостей, да и, будучи много моложе меня, в моих детских воспоминаниях не мог иметь места.

В нашей детской между окнами стоял большой диван, над ним зеркало, а по бокам зеркала с одной стороны — старинная картина, купленная у бродячего торговца («венгерца», как их тогда звали), изображающая стадо коров

на водопое, а с другой — китайские рисунки с иероглифами, изображающие китайчонка под зонтиком, драконов и др. Это работа китайчонка, которого в 1905 году привез из далекой Манчжурии дядя Митя,, участник русско-японской войны. Впоследствии этот китаец имел в городе Кинешме парикмахерскую.

В переднем углу — образ Божьей Матери с младенцем в позолоченной ризе со звездочками, которые очень хорошо блестели от света лампадки. Лампада зажигалась перед каждым праздником и по субботам. Как хорошо бывало перед этой иконой молиться по вечерам! Мама была очень религиозна и религиозные чувства старалась привить своим детям с самого детства. Бывало, мама перед сном нашим постелет на пол коврик перед иконой Богоматери и станет на колени вместе с нами. А мы уже раздетые, в одних рубашечках, стоим и повторяем за мамой, глядя на скорбный, красивый лик Богоматери и ее улыбающегося младенца: «Богородице, Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с тобою» и т. д. А после всего — молитва о всех нас, дабы Господь не оставил своими милостями — за папу, маму, бабушку, няню, брата и сестру, а под конец «и меня, младенца Александра».

В мамину комнату — двухстворчатая белая дверь, а справа от двери —комод, в нем три ящика: верхний—сестры, средний — брата, нижний — мой. В ящиках белье, рубашки, а также личные вещи — подарки старших на дни рождения или именин, но подарки такие, которые не желательно смешивать с общими игрушками. Игрушки у нас были все общие, и хотя некоторые из них, любимые самые, назывались «моя» или «мой», но все они помещались вместе, налево от двери, в «игрушечном» шкафу. На игрушечном шкафу — книжный шкафчик, в нем — все наши книжки, тоже все вместе, исключая какую-нибудь одну, «мою», которая лежит в моем ящике комода. Книжки старые, которые служили еще моему отцу и его братьям и сестрам. Самая главная — «Родное слово» Ушинского. Затем помнятся: «Степка-Растрепка», «Бука», «Про Катюшу, которая сгорела», «Про Яшку, который утонул», сказки

Перро с чудесными гравюрами, нечто вроде хрестоматии «Малютка», а позднее появились привезенные из Варшавы «Макс и Мориц» В. Буша и «Приключения Бакстеро». Эти две книги не пользовались любовью наших постоянных старших — дяди Дюди и тети Милюши — по той причине, что обе они были «нерусские», и еще, наверное, потому,что их не было у них в детские годы.

С начала учения тут же появились буквари Вахтерова, задачник Арженикова, история России Буданова и другие учебники, в их числе неизменный Марго.

Перейдем в мамину комнату. У нее — выход на балкон, балкон выходит во двор. Кроме двери в нашу детскую, — дверь на «площадку», откуда лестница на второй этаж. По одной стене — камин, обложенный белым изразцом, как и все печи в доме. На камине — подсвечники и разные безделушки. Две кровати, между ними маленький столик, на нем «вечная свеча». По сторонам прохода на «площадку» справа — большой гардероб, слева — комод. У гардероба — мраморный умывальник. В другом углу — шифоньер, в нем все мамины самые интересные вещи и какой-то особенный запах. Рядом — маленький, «дамский», письменный стол, на нем большая лампа под зеленым абажуром, бювар, чернильный прибор. В последнем углу — своего рода «гостиная»: диван, столик, вокруг столика мягкие кресла и какие-то пуфики. Перед южным окном — туалетный столик, на нем зеркало и всякие туалетные принадлежности. На окнах — такие же, как у нас, темно-синие шторы. Над диванчиком — громадный портрет в золоченой раме, писанный масляной краской: это «дедушка Платон» (П. В. Голубков, брат второй жены моего прадеда А. Н. Григорова, миллионер, от которого прадед и получил Енисейские золотые прииски в приданое).

Забыл упомянуть, что над моею кроваткой висела картина в рамке за стеклом, изображающая знаменитого рысака «Глазунчика», бывшего когда-то одним из лучших орловских рысаков. Почему ему было дано место над моею кроваткой — не знаю. А над кроваткой брата — портрет

императора Петра I с надписью на латинском языке «Петрус примус руссорм император».

Из маминой комнаты дверь вела на лестничную площадку, откуда шла лестница «наверх», на второй этаж. Эта площадка была довольно большой комнатой, в которой находилась печь — «лежанка», а в одном углу стоял «аптечный шкаф» со всевозможными медикаментами и предметами медицинского обслуживания. Мама занималась лечением и оказанием первой помощи не только своим детям, но и многочисленной дворне и прислуге. Почти ежедневно приходили к ней из ближайших деревень бабы с ребятишками с просьбой «полечить». Мама давала советы, оказывала необходимую первую помощь, в нужных случаях и при необходимости направляла в медицинские учреждения.

Ближайшим был фельдшерский пункт в селе Спас-Заборье, которым заведовал фельдшер Казимир Петрович Салинкевич, личность весьма примечательная, о которой ниже я скажу несколько слов. Больница же ближайшая, где работал неутомимый труженик на своем трудном поприще — врач А. А. Топорков, находилась в селе Адищеве, верстах в 17-ти от нашей усадьбы.

На площадке стоял черный комод, ящики которого были заполнены всякой дрянью, которую и выбросить было жалко, но которая неизбежно накапливается в каждом доме с годами. На комоде в красном полированном деревянном ящичке какая-то «электрическая машина» с медными блестящими деталями. Эту машину применяли при лечении бабушки, женщины весьма полной и страдавшей, как я думаю, гипертонической болезнью (правда, в то время о такой болезни и не слыхивали).

С площадки шел ход «под лестницу», в чулан, где, наряду с прочей дрянью, стояли наши детские трехколесные велосипеды, лошадки на колесиках, из которых особенно запомнились «Гнедко» с чудесной гривой и хвостом, затем старый, совершенно облезлый «Рыжко», чудесный «Конек-Горбунок», облик которого сохранился на фотографии, где я, еще грудной, спеленатый младенец, лежу на руках у

сестрицы Милочки. Была также рыжая корова, такая же, как и лошадки, на колесиках, покрытая настоящей шкурой и с рогами, тоже настоящими. Там же, под лестницей, находились наши многочисленные игрушки, не убравшиеся в шкаф в детской. Это место — «под лестницей» — было нашим любимым для прятания при игре в «прятки». Там же можно было устраивать какие-нибудь секретные совещания, которые нежелательно проводить на виду у взрослых.

С этой площадки, кроме лестницы «наверх», была дверь в «залу». Зала — очень большая комната с многочисленными окнами и стеклянной дверью, выходившими на запад — на террассу, в сад. Вся мебель в зале была расставлена по стенам, и поэтому сама зала представляла из себя отличное место для танцев, а для нас, детей, это было как бы обширное поле, на котором вовсю могла разыгрываться наша детская фантазия.

По южной стене стоял диван, над ним —зеркало овальной формы в фигурной черной рамке, по бокам дивана — кресла, перед диваном — стол черного дерева. По восточной стене стоял ряд мягких стульев-полукресел, в центре — маленькая кушетка, по краям — два ломберных стола. Эти столы были очень ценные, времен Александра I, отделаны красным деревом с инкрустациями.

На одном столе лежала груда альбомов со старинными фотографиями и дагерротипами, и среди альбомов — издания с избражениями главных достопримечательностей С.-Петербурга, Москвы, Киева, Новгорода и альбом с изображением всех великих князей и царей из рода Рюрика (от самого легендарного Рюрика до Федора Иоановича) и другой альбом портретов царствоваших особ дома Романовых (от Михаила Федоровича до Александра II). На другом столике складывалась газета «Новое время» и еженедельное к ней иллюстрированное приложение. Эти газеты не разрешалось брать и употреблять на что-либо. По окончании подписного года бабушка тщательно проверяла, все ли номера газеты налицо, и укладывала их по порядку номеров, затем пачка перевязывалась бечевкой и относилась на чердак.

Там, в специальном шкафу, хранились комплекты газеты «Новое время», начиная с 1868 года. Сверху пачки газет на столике лежало большое увеличительное стекло-лупа.

В углу, между дверью в переднюю и первой дверью в столовую, стояло кресло, и над ним был укреплен настенный телефон. Телефонизация в нашем уезде была проведена с начала XX века, и, как я себя помню, телефон уже у нас был. По телефону можно было связаться как с городом, так и с соседними усадьбами: Ново-Покровским, Березовкой, Марьинским, с ямскими станциями Ивашево и Кинешма, с больницей в Адищеве, с волостными селом Спас-Заборье и с соседней картонной фабрикой М. Д. Галашина, ранее — наследником Распопкина.

В промежутке между двумя дверьми в столовую, по северной стороне залы стоял рояль (не помню сейчас, какой фирмы), отделанный под стиль всей остальной мебели в зале — под красное дерево. По западной стороне залы был ряд окон, выходивших на террассу и в сад. В промежутках между окнами висели два зеркала — трюмо, так же отделанные под красное дерево. В обоих углах по западной стороне стояли две тумбы — таких нигде более не видел. Это были высокие (до 1,5 метра) столики на шести круглых колонках. Колонны эти диаметром до 15 сантиметров, как и все тумбочки, были отделаны красным деревом с золотом. Основание тумбочек и верх имели форму многоугольника. На них ставились вазы с цветами, а тумба, стоящая в углу под образом, служила для установки предметов богослужения, когда в назначенные для этого дни приезжим духовенством совершались службы.

Освещение в зале было только свечами: по всему периметру залы были укреплены на высоте около 2 1/2 метров бронзовые бра, на две свечи каждая. Когда в парадные и торжественные дни зажигались вечером все свечи, в зале было очень светло.

Так как в нашем большом доме в короткие зимние дни и долгие вечера все немногочисленные обитатели находились большею частью в своих комнатах, то зала была на-

шим любимым местом для детских игр. Особенно мы любили (и особенно не любила этой игры мама) строить «юрту». Для этой цели мы ставили в круг ряд стульев (все стулья в доме были гнутые, «венские») спинками внутрь, а затем на спинки набрасывали большое одеяло и тащили из передней шубы, с диванов — меховые шкуры, ковры и т. д. На пол стелили дорожную овчинную полость. И тут разыгрывали мы или игру в северо-американских индейцев, или в зимовку на Шпицбергене. Это была наша одна из самых любимых игр. По зале также мы катались на своих детских трехколесных велосипедах или лошадках на колесиках.

Как я уже говорил, в зале происходили богослужения в дни больших праздников и накануне их, на Рождество в этой же зале устраивалась елка.

Когда бывало много веселой молодежи, зала служила местом для постановки любительских спектаклей. Тогда часть ее, примыкавшая к гостинной и «площадке», отгораживалась матерчатым занавесом. Получалась сцена, а «артисты» и «закулисы» располагались в гостиной. В другой, большей части зала устанавливались рядами стулья для зрителей и кресла для наиболее почтенных из них.

На всех окнах по западной стене было очень много цветов, а когда наступало время цветения тюльпанов и гиацинтов, то к подоконникам приставлялись еще доски на ножках для горшков с гиацинтами и тюльпанами.

Гостиная выходила своими окнами на юг и юго-запад. По своей форме западная стена дома имела форму трапеции. В гостиной было очень много света и солнца. С потолка свешивался так называемый фонарь: лампа заключалась в абажур голубого цвета, благодаря чему вечерами эта комната была очень приятной. В ней находился камин. Вообще, каминов было много: в нижнем этаже — у мамы в комнате, у бабушки, в гостиной, были камины и на втором этаже. На камине стояли под стеклянным футляром часы в виде бронзовой скульптуры, изображавшей рыбака и рыбачку с удочками, причем, удочка была в воздухе и на крючке висела маленькая золотая рыбка. Эти часы имели

очень нежный, мягкий звон. Кроме того, на камине было еще много разных безделушек: рако вин, фарфоровых фигурок и изделий из уральских самоцветов.

Гостинная разделялась на две половины стоявшей посередине кушеткой. В изголовье кушетки стоял шахматный столик — с доской, инкрустированной деревом различных цветов. Фигуры для шахмат были из чугуна — черные, а белые — такие же, но чуть сероватого оттенка: король и королева (ферзь) — высокие фигуры в королевских одеяниях, слоны — офицеры, а пешки — солдаты, одетые в форму западно-европейских войск XVI—XVII века. Ладьи —башенки крепостей, и только кони были настоящими лошадками. Все это хранилось в картонной коробке, где для каждой фигурки было свое место. Там же, в ящике шахматного столика, был комплект шашек и хранились щеточки и мелки для карточной игры.

Мебель в гостиной была иная, нежели в зале, совсем другой гарнитур. В отличие от зальной мебели, имевшей обивку зеленого цвета, гостиная мебель была обита материей светлых тонов — на светло-кремовом фоне фрукты и цветы. По стене стоял «турецкий» диван...

* * *

...Для моего брата в 1-м Московском кадетском корпусе не нашлось по возрасту места, и его удалось устроить в 3-й Московский кадетский корпус. Я же стал кадетом 1-го Московского кадетского корпуса — в 3-ей роте подполковника Д. И. Штайгельмеера, в отделении поручика В. В. Возницина, а с августа 1916 года — во 2-й роте полковника Д. А. Агищева, в отделении штабс-капитана А. С Дубровского, Директором корпуса был генерал-лейтенант В. В Римский-Корсаков.

У меня о корпусе остались самые лучшие воспоминания... Среди воспитанников этого заведения хочу упомянуть маршала М. Н. Тухачевского, окончившего корпус в 1912 году первым: имя его было записано золотыми буквами на огромной доске, висевшей в столовой корпуса... Со мною же в одном классе учились дети известных московских богачей: сын владельца Пресненской мануфактуры Н. И. Прохорова — Володя Прохоров, сын Рябушинского, а также сын известного по гражданской войне белого генерала Лукомского — Сережа Лукомский.

В корпусе мне довелось быть свидетелем событий и Февральской, и Октябрьской революций. Я пережил осаду корпуса отрядами Красной гвардии с 28 октября по 2 ноября, обстрел корпуса артиллерией и «почетную капитуляцию» в ночь на 3 ноября 1917 года. Через несколько дней после этого я покинул стены ставшего уже таким близким и родным корпуса. Занятия прекратились, часть офицеров тоже покинула корпус, и я вместе с братом, зашедшим за мной (он уже переоделся в штатское) из не противившегося революционной власти 3-го корпуса, собрался ехать домой, в родное Александровское, предполагая «смутное время» пробыть там, а когда «все вернется обратно», как наивно предполагали тогда многие, продолжить свое образование.

Я не имел штатской одежды и дошел до Ярославского вокзала (пешком, так как трамваи не ходили, а извозчики все попрятались) в полной форме — с погонами, в фуражке с кокардой и не был никем остановлен.

По приезде в Александроское наступила пора ожидания,

вернее, — выжидания. В нашем краю издавна не существовало антогонизма между крестьянами и землевладельцами-дворянами. Термин «помещик» после отмены крепостного права вообще вышел из обихода и заменялся словом «землевладелец». И только после 1917 года определение «помещик» снова прочно и надолго вошло в употребление. В нашей же семье, известной с давних пор своим демократизмом, отношения с окружающими крестьянами (деревни Данильцево, Малинки, Шегары, Зверниха, Чепуриха и др.) были очень хорошими, и никто не покушался на нашу собственность — ни на землю, на на скот или какой-либо инвентарь, уже не говоря о домашних вещах.

Проходила зима 1917—1918 годов, ожидаемых перемен не было видно. Однако надо было обрабатывать поля, сеять хлеб, садить огород и цветы в саду... И все это производилось беспрепятственно, не было никаких попыток как-то прижать или что-то отобрать и со стороны местных властей, волостного совета крестьянских депутатов. И все весенние работы были сделаны — засеяны поля, посажена картошка, засажен огород и сад.

Кроме оставшейся в усадьбе дворни, у нас были еще присланные 1915 году земской управой военнопленные Австро-Венгерской армии — два словака и два Трансильванских румына. Они также очень доброжелательно были расположены ко всем нам.

Наступила пора сенокоса, и сенокос был завершен в в должное время, и создан запас сена. Мы с братом работали наравне со всеми пленными и оставшейся дворней. Молочное стадо наше сильно сократилось, вследствие прошедших в 1916 году ревизий скота «на нужды армии». А мы все еще пребывали в ожидании, когда все «опять переменится». Но шли дни, и постоянно надежды наши на скорое изменение обстановки таяли. Вот промелькнуло восстание Чехословацкого корпуса, за ним Ярославское восстание полковника Перхурова, и одновременно прокатилась волна крестьянских восстаний в ряде волостей и уездов Костромской губернии. Между тем, надо было убирать озимые

поля...

Неожиданно в уборке озимого хлеба нам помогли крестьяне деревни Малинки, бывшие крепостные «господ Григоровых». Они сжали все озимое поле, перевезли сжатый хлеб на свои гумна, обмолотили и собранное зерно предоставили нам. И сделано все это было без всякой оплаты.

Во исполнение постановления центральной власти о национализации имений и выселении из них владельцев, пришлось и нашему волостному совету выполнять это решение. К тому же местный Кинешемский уездный совет решил в Александровском, на базе молочного хозяйства, создать совхоз. Нам было объявлено о национализации всего посевного хлеба, скота, сельхозинвентаря, всех построек со всем в них содержавщимся — мебелью, книгами, посудой и т. д. Нам оставили только одну одежду, немного личных вещей и предложили покинуть дом. Можно было приписаться к любому крестьянскому деревенскому обществу, и в этом случае нам оставалась одна лошадь и одна корова. От этого предложения мы отказались и решили уехать куда-либо на юг, где и продолжать пережидать «смутное время». Тем более, что на северные губернии надвигалась угроза голода. Крестьяне, имевшие свои хозяйства, не опасались надвигавшейся беды, но в городах уже чувствовался голод. Торговля давно сошла на нет, осталась лишь одна спекуляция. Исчезли мука, сахар, другие продукты.

В то же время, по «слухам», на юге был избыток продуктов питания. Кто-то посоветовал нам уехать в Воронежскую губернию, в слободу Алексеевка, где особенно богато было с хлебом и другими продуктами, и даже один знакомый дал рекомендацию туда с просьбой помочь в жилье и прочем. И мы решили двинуться на юг. Собранный крестьянами хлеб был продан рабочим соседней Александровской бумажной фабрики, которые, не имея своей земли и посевов, были тогда на грани голода. За проданный хлеб было выручено довольно много денег «николаевскими», которые тогда ценились выше «керенок», «думских» и только

что вошедших в обращение «советских» денег, правда, отпечатанных еще при Керенском. На них была эмблема — двухглавый орел, но уже без скипетра и державы и без короны. А текст был еще отпечатан по старой орфографии — с буквой «ять» и с твердым знаком.

И вот вся наша многочисленная семья: мать и нас четверо детей — я и мои два брата и сестра, тетушка-калека и не пожелавшая нас оставить бывшая горничная бабушки, Аннушка, и старшая скотница Евфросинья Петровна, много лет прослужившая у нас (всего 8 душ), двинулись на юг. Дядя же, Алексей Митрофанович, еще ранее уехал в Москву и там ожидал нашего приезда, чтобы следовать далее вместе.

Он совершенно справедливо опасался за свою безопасность, ибо уже началась полоса террора, а он, пользовавшийся среди крестьян большим уважением и авторитетом, казался опасным Кинешемским властям.

Москва 1918 года представляла собой грустную картину. На многих улицах еще не исчезли следы уличных боев октября 1917 года: разбитые витрины, следы пуль на штукатурке домов, обгорелые развалины зданий. Торговля фактически отсутствовала, магазины закрыты, но почти на всех улицах были лавочки с вывесками, изображавшими дугу, подковку, конскую голову и надпись: «Конско-мясная торговля».

В Москву мы добрались благополучно и без особых приключений, только один раз подвергнувшись обыску...

ИЗ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ГРИГОРОВА

На рубеже XVIII—XIX веков в Кинешемском уезде Костромской губернии жил-поживал в своей родовой усадьбе Агафоново, что на реке Мере, помещик Александр Владимирович Полозов. Полозовы — старинные костромские дворяне. Не один представитель этого древнего рода сложил свою голову на «государевой службе», многие возвращались из походов увечными, кое-кому пришлось изведать и татарский плен, и каторжные галеры в Турции. Александр Владимирович очень гордился своими предками, считал себя и весь свой род особо родовитыми и с пренебрежением относился к большинству соседей-дворян, хотя состояние его нельзя было назвать значительным — ему досталось от отца всего несколько деревень с числом душ меньше сотни. В числе предков Александра Владимировича были лица, которыми он особенно гордился, — это Иван Васильевич Полозов, бывший приближенный Ивана Грозного, Нефед Федорович, воевода, успешно боровшийся с отрядами Степана Разина, а также один из любимых денщиков Петра I — Александр Семенович, впоследствии пожалованный Петром в придворный чин «гофмаршала». Не любил только Александр Владимирович вспоминать еще одного из своих предков — Леонтия Васильевича Полозова, изменившего своей Родине. Во время нападения поляков на Кострому и захвата ими Ипатьевского монастыря (1608—1609 годы) Леонтий перешел на сторону врага и вместе с изменником, воеводой Вельяминовым, отсиживался с поляками за стенами монастыря, осажденного костромичами. Леонтий Полозов был тайно отправлен из Ипатьевского монастыря Вельяминовым к гетману Сапеге просить о помощи осажденным.

Отец Александра Владимировича — Владимир Иванович Полозов — прошел обычную для дворян того времени службу. Он родился в Агафонове и был отдан для «науки» в Шляхетский кадетский корпус в Петербурге. Окончив корпус, он был выпущен прапорщиком в старейший полк

русской армии — Бутырский пехотный, считавшийся по старшинству первым, — он был старше основанных Петром Преображенского и Семеновского полков. Послужив какое-то время, весьма короткое, в этом полку, Владимир Иванович, на основании указа о вольности дворянства, вышел в отставку и поселился в своем Агафонове. По выбору местного дворянства он занимал должность заседателя Кадыевского нижнего земского суда, избирался и уездным предводителем. Владимир Иванович женился в 1767 году на дочери недальнего соседа-помещика Татьяне Федоровне Ягнетевой. Первым его сыном и был Александр Владимирович, родившийся в 1768 году.

Александра Владимировича еще ребенком записали в лейб-гвардии Преображенский полк. Достигнув 18 лет, он получил уже чин поручика и был уволен в отставку, фактически не прослужив ни одного дня. Однако потом,в в 1790 году, Александр Владимирович снова вступает в воинскую службу (с тем же чином поручика) в Нарвский мушкетерский полк, впоследствии, при Павле, называвшийся по имени своего командира «Мушкетерским имени Ротгофа» полком. С этим полком Полозов участвует в Польской кампании в 1792, 93 и 94 годах, принимает участие во многих сражениях в Литве и на Волыни и в 1799 году получает капитанский чин. В 1800 году «по болезни, за его прошением» по Высочайшему указу Полозов окончательно выходит в отставку. Из Польши о вывозит себе жену, с которой познакомился во время стоянки его полка в одном из фольварков в Литве, — Терезию Михайловну Нейман, польку. Ее отец был врачом в Литве, а мать — дочерью польского шляхтича.

Приехав в родное Агафоново с молодой женой в начале 1801 года, он привез туда и свою маленькую дочку, родившуюся в Литве в 1799 году, — Марию Александровну, мою прабабушку.

В Агафонове Александр Владимирович стал вести жизнь на широкую ногу, несмотря на свои довольно скромные средства. Конечно, он, как и его отец, служил по выборам

дворянства, но уже в Кинешемском уезде, так как Кадыевский уезд был упразднен Павлом в 1797 году и Агафоново отошло в состав Кинешемского уезда. Про Александра Владимировича можно с полным основанием сказать словами Пушкина: «Служив отлично-благородно, Долгами жил его отец, Давал три бала ежегодно И промотался наконец». В Агафонове балы давались в дни рождения и именин самого Александра Владимировича и его супруги. На эти балы съезжались окрестные соседи-помещики — Чихачевы, Опурины, Киленины, Пушкины и др. Бывал там и губернский предводитель Ф. М. Кутузов.

В числе недальних соседей Полозова в усадьбе Березовка с недавнего времени — с войны 1812 года — поселилась семья тульского помещика Николая Васильевича Григорова, переехавшего из Тульской губернии виду опасности от нашествия французов, вошедших в сентябре 1812 года в Москву. Сам Н. В. Григоров, подпоручик в отставке, вступил в ряды Тульского ополчения, а семью отправил в имение своей жены Березовку, которое было получено в наследство его женой Анастасией Афанасьевной, урожденной Соймоновой, от своей матери Клавдии Афанасьевны Невельской. По окончании войны Николай Васильевич не вернулся в свою маленькую усадьбу в Епифановском уезде Тульской губернии, а остался на постоянное житье в Березовке, переведя туда своих немногочисленных крепостных из тульской усадьбы.

А. В. Полозов, по обычаю тех времен, принятому большинством помещиков средней руки, воспитывал свою дочь дома, для чего в Агафоново был приглашен учитель-француз из числа наводнивших Россию после революции эмигрантов. Мать, Терезия Михайловна, тоже была женщина образованная, к тому же музыкантша, и молодая Машенька успешно овладевала нехитрыми науками — французской и русской грамматикой, музыкой и начатками знаний в остальных науках.

Старший сын Н. В. Григорова, Александр Николаевич, был ровесником Машеньки, он тоже родился в 1799 году.

Так же, как и Машенька, он получил образование дома. В Березовке, где у Николая Васильевича воспитывалось 7 человек детей, Александр — мой прадед — был самым старшим. Большая часть доходов с имения шла, как это указано в сохранившихся документах, на воспитание детей, так как для семерых надо было иметь несколько учителей и учительниц.

Когда Александру исполнилось 18 лет, отец стал брать его с собой на устраивавшиеся Полозовым в Агафонове балы. Там молодой человек встретил Машеньку Полозову и был ею очарован. Березовка от Агафонова стояла не так далеко — всего около 15 верст, и молодой Григоров, взяв верховую лошадь, стал частенько навещать усадьбу Полозовых. Мать Машеньки относилась к нему весьма благосклонно, но отец, Александр Владимирович, принимал его не слишком любезно. Частенько бывало так, что Александр Николаевич, приезжая в Агафоново, даже и в дом не заходил, а встречался с Машенькой в саду или небольшом парке. Роман между Машенькой и молодым Григоровым развивался быстро. Через три года после их знакомства молодые люди объяснились между собой и решили просить благословения родителей для вступления в брак.

Следует сказать, что некоторыми своими чертами Александр Владимирович напоминал пушкинского Троекурова, хотя и далеко уступал ему в богатстве: гордости и чванства у Полозова было не меньше. Узнав о намерении молодых людей пожениться, Александр Владимирович пришел в неописуемое негодование. Он высказался так: «Александр Григоров — молокосос, ему еще всего 20 лет, он нигде не служил, Григоровы появились неизвестно откуда, это люди малознатные и неродовитые, не имеют за собой и достаточного состояния. И никогда я не дам своего согласия на этот брак». Заявив молодому Григорову, чтобы он не смел больше показываться в Агафонове, он приказал запереть Машеньку в ее комнате, а Терезии Михайловне наказал строго следить за заключенной, дабы пресечь всякие ее попытки написать или получить письмо от предмета своей любви. Влюбленные были разлучены.

С горя Александр Николаевич поступил юнкером в 6-ую артиллерийскую бригаду, квартировавшую на юге. Он отправился к месту своего служения, не попрощавшись с Машенькой, так как она сидела в Агафонове под строгим присмотром отца, не вполне доверявшего Терезии Михайловне.

6-я артиллерийская бригада входила во 2-ую армию, штаб которой был помещен в городе Тульчине. В это время там активно действовало Южное общество будущих декабристов, руководимое полковником Пестелем, командиром Вятского пехотного полка. Молодой юнкер сразу попал в окружение прогрессивно настроенных офицеров. Хотя ему, как юнкеру, не всегда было возможно иметь тесное общение с офицерами 2-ой армии, но с производством в первый офицерский чин прапорщика и состоявшимся после этого переводом молодого офицера в 20-ую артиллерийскую бригаду, стоявшую в самом Тульчине, А. Н. Григоров вошел в круг офицеров, среди которых были будущие декабристы: два брата Крюковы — сыновья нижегородского губернатора, два брата Поджио, Василий Норов, Николай Лорер, граф Булгари, с которыми у молодого прапорщика установились дружеские отношения...

Пока Александр Николаевич служил, в Агафонове произошли следующие события. Машенька Полозова была неутешна и не могла забыть избранника сердца. Видя это, отец решился выдать дочь замуж насильно. Он выбрал в женихи своего знакомого, которого знал еще по военной службе, — майора Александра Михайловича Овцына. Участник Польской кампании 1792—94 годов и Отечественной войны 1812 года, Овцын был на 30 лет старше Машеньки. Род Овцыных — один из самых древних, он вел свое происхождение от муромских князей, потомков Рюрика. А. М. Овцыну принадлежало немало деревень и усадеб в разных уездах Костромской и Нижегородской губерний.

Машеньке пришлось покориться, и вот в феврале 1821 года в Агафонове состоялась свадьба заслуженного майора Александра Михайловича Овцына с молоденькой Ма-

шенькой Полозовой. Венчание происходило в приходской церкви на погосте Рождество-Гребни, в нескольких верстах ниже по течению реки Меры. Первые недели после венчания (Великим постом 1821 года молодые поселились в усадьбе Овцына Лубенино Костромского уезда) прошли в визитах к многочисленным родственникам и со стороны Овцына, и со стороны Машеньки. Родными Овцына были известные и богатые помещики Карцевы, Исаковы; родня Полозовых оказалась победней, но молодых везде принимали с радостью, и веселье продолжалось до самой Пасхи. Пасха в том году приходилась на 10 апреля, и эта Пасхальная неделя была последней неделей праздничных поездок молодых по своим родным.

Встретивши праздник в своем Лубенине, Алекаснд Михайлович на другой день заболел и, прохворав немногим более недели, скончался. Так Машенька осталась молодой (ей в то время исполнился 21 год) вдовой, и к тому же наследницей богатого имения своего покойного мужа. Но вскоре она, совершенно неопытная в делах и доверившаяся брату своего покойного мужа Федору Михайловичу Овцыну, который, якобы, для ее же ползы взялся за все дела по имениям, оказалась своим доверием жестоко обманута. По сохранившемуся ее прошению на имя министра юстиции князя И. И. Лобанова-Ростовского видно, каким притеснениям подверг деверь свою молодую неопытную невестку и как он бесцеремонно ее обирал.

Между тем А. Н. Григоров, получив с большим опозданием известие о смерти Овцына, тотчас подал в отставку (он в то время уже имел чин «артиллерии подпоручика») и 5февраля 1823 года распрощался навсегда со своими товарищами в Тульчине.

Хотя имя А.Н. Григорова на процессе декабристов никогда не фигурировало и он даже не был допрашиваем, но вполне возможно, что вдовство его возлюбленной спасло его от судьбы многих товарищей по Тульчину. После самого Александра Николаевича не осталось каких-либо свидетельств о его связях с будущими декабристами, но вся его деятельность впоследствии ясно показывает его прогрес-

сивость, и, вероятно, эти качества ему привились именно вследствие общения в течение нескольких лет с членами тайного общества. По своим воззрениям Александр Николаевич резко отличался от своих родных братьев Ивана и Сергея. Если А. Н. Григоров резко отрицательно относился к крепостному строю и своих крестьян отпустил на волю да еще помог им устроиться уже вкачестве «вольных» граждан на костромской завод А. П. Шипова, то его братья во время реформы 1861 года выказали себя как ярые крепостники.

Вернувшись домой, Александр Николаевич тотчас же свиделся со своей Машенькой и теперь, уже не нуждаясь в согласии отца, предложил ей руку и сердце. Свадьба состялась в той же церкви Рождества-Гребни, и надменный А. В. Полозов вынужден был примириться.

К этому времени все неприятности, возникшие у молодой вдовы с ее деверем, благодаря вмешательству министра юстиции были улажены. Мария Александровна получила все, что ей полагалось по закону после покойного мужа, и, чтобы не быть ни в чем связанной с деверем, продала все, что ей досталось в Лубенине, оставив себе только нижегородское имение. Вскоре молодые супруги покупают себе усадьбу Башкариха, почти рядом с родной Александру Николаевичу Березовкой, затем покупают еще одно имение, названное впоследствии Александровским.

Постепенно отошения Григорова с тестем налаживаются. Дела же надменного А. В. Полозова все более клонятся к упадку. Постепенно продаются старинные полозовские деревни в Галичском уезде, в самом Агафонове дела также идут все хуже. Когда А. В. Полозов умер, то после него осталось столько неоплаченных долгов и эти долги так превышали все его наличное состояние, что кредиторы после ликвидации имений получили за рубль всего по 17 копеек.

Счастливая жизнь Александра Николаевича и Марии Александровны Григоровых продолжалась только девять лет. У них были дети: Иван, родившийся в 1826 году и

позднее женившийся на своей же крепостной крестьянке из деревни Малинки, Прасковье Ивановне; затем дочь — Людмила, родившаяся в 1827 году; Кронид, родившийся в 1830 году (в Крымскую войну он вступил в костромское ополчение и в походе умер от болезни), и наконец, Митрофан, родившийся в 1834 году и явившийся причиной преждевременной смерти Марии Александровны от родов, Этот Митрофан Александрович был моим родным дедом. После смерти Марии Александровны заботу о новорожденном Митрофане и о всех оставшихся без матери детях взяла на себя Терезия Михайловна, мать покойной Машеньки. Она вырастила и воспитала всех своих внуков.

Март 1976 г.

НИКОЛАЙ МИТРОФАНОВИЧ ГРИГОРОВ

14 мая 1905 года в Цусимском проливе произошло одно из самых крупных морских сражений в истории парового флота. В итоге силами японского флота была почти полностью разгромлена 2-я Тихоокеанская эскадра русского флота. Само слово «Цусима» сделалось нарицательным.

Известно, что из 38-ми боевых судов, составляющих 2-ю Тихоокеанскую эскадру, 22 судна погибли в неравном бою, некоторые суда на другой день после боя, будучи окруженными во много раз превосходящими силами противника, спустили свои флаги, часть судов укрылась в нейтральных портах, и лишь крейсер «Алмаз» и миноносец «Бравый» и «Грозный» прорвались во Владивосток. Штурманом «Алмаза» был уроженец Костромского края лейтенант Николай Митрофанович Григоров.

Н. М. Григоров родился 10 января 1873 год в усадьбе Александровское Кинешемского уезда (ныне это территория Островского района). Образование он получил в Петербургском Морском училище. Крупных имений у Григоровых не было, и Николай учился на стипендию Дурново (в середине XIX века уроженец Солигаличского уезда капитан-лейтенант В. И. Дурново завещал свыше 300 тысяч рублей на обучение сыновей малоимущих дворян в Морском кадетском корпусе, и на его стипендии с середины XIX века и вплоть до 1918 года в морском корпусе обучалось ежегодно по 6 человек из числа костромских малоимущих дворян). Николай Митрофанович закончил училище первым по успеваемости и получил право на то, чтобы его имя было записано золотыми буквами на мраморной доске в стенах учебного заведения.

8 сентября 1892 года Григоров был произведен в мичманы — первый офицерский чин — и назначен в трехлетнее кругосветное плавание на крейсере «Адмирал Нахимов». Молодому офицеру требовалось заказать подходящий к случаю мундир, а денег у него не нашлось, поэтому настоящим подарком стало для Григорова известие о том, что постановлением Костромского дворянского собрания за

окончание Морского училища первым учеником ему назначена премия в 300 рублей, а на экипировку выдано 150 рублей.

Морская форма очень шла голубоглазому шатену. Офицеры и матросы «Адмирала Нахимова» уважали скромного и мягкого по характеру Николая Митрофановича. Он был интересным рассказчиком, которого всегда слушали с увлечением. В 1897 году Н. М. Григорова назначили флаг-офицером (адъютантом) к начальнику Тихоокеанской эскадры адмиралу С. О. Макарову, затем с 6 ноября 1900 года началась учеба в Николаевской Морской академии, которую он окончил 5 октября 1902 года по первому разряду.

Крейсер 2-го ранга «Алмаз», куда Н. М. Григорова назначили старшим штурманским офицером, был заложен 26 сентября 1902 года на Балтийском заводе в Петербурге и поначалу проектировался как крейсер-яхта для наместника на Дальнем Востоке адмирала Е. И. Алексеева. Крейсер спустили на воду 26 июля 1903 года. В строй он вступил в самом конце этого года и сразу был включен в состав отряда судов под командованием адмирала Вирениуса, следовавшего на Дальный Восток. К январю 1904 года отряд оказался уже в Красном море, но «Алмаз» вынужден был отстать от него в порту Танжер из-за повреждения винтов. После начала военных действий с Японией отряд вернули на Балтику — поскольку ему грозило уничтожение при встрече с более сильным врагом. «Алмаз» возвратился самостоятельно и после отправился в поход в составе 2-й Тихоокеанской эскадры.

Эскадры вышли 2 (15) октября 1904 года из Либавы (ныне Лиепая), совершила переход почти в 35 тысяч километров, не имея на пути баз и угольных станций. Перед ней стояла задача — прорваться во Владивосток и вести с противником борьбу за господство в Японском море. Утром 14 (27) мая 1905 года эскадра вошла в Корейский пролив, и там ее встретил готовый к сражению японский флот.

Крейсером «Алмаз» командовал 43-летний капитан 2-го ранга Иван Иванович Чагин. Он родился в Тверской губернии, но родовое поместье его семьи Боговское находилось в Макарьевском уезде Костромской губернии, там жили родственники Чагина. И. И. Чагин служил на Черноморском и на Тихоокеанском флотах. В 1896 году Чагина назначили военно-морским агентом в Японию. На этой должности он остается до 1900 года, затем спужит старшим офицером броненосного крейсера «Россия», а через два года назначается командиром строящегося крейсера «Алмаз».

В Цусимском бою Чагин, находясь в составе разведовательного отряда, имел задачу охранять транспорты и другие небоевые суда от нападений японцев. По завершении дневного боя, видя поражение наших главных сил и прочитав сигнал раненого начальника эскадры адмирала Рождественского с миноносца «Буйный» о том, что «адмирал передает командование», Чагин, выполняя приказ, данный перед боем, решил самостоятельно прорываться в Владивосток. Прокладку пути крейсера командир поручил Н. М. Григорову.

В Цусимском бою Николай Митрофанович с начала боя и до прорыва через японский флот почти не сходил с мостика. Именно ему был обязан «Алмаз» своим спасением, причем не только опытному штурману, но и как отважному флотскому офицеру. Во время сражения, защищая транспорты, «Алмаз» попал под сильнейший огонь японских крейсеров. Был момент, когда потерялось управление: снаряд, попавший в корму, повредил рулевое устройство. Требовалось под снарядами спуститься по веревочной лестнице за борт и устранить повреждение снаружи корпуса. Григоров покидает мостик, так как потерявший управление корабль не мог следовать по курсу, и вызывается спуститься за борт. Под огнем японцев ему удается исправить повреждение — оно, к счастью, оказалось легко устранимым. Поднявшись на борт, он снова занял свое место на мостике.

Около трех часов дня «Алмаз» опять попал под сосредоточенный огонь японских крейсеров. Один из снарядов снес

верхушку передней мачты «Алмаза» и перебил трос, удерживающий мачту от падения в сторону кормы. Новый снаряд разорвался на навесной палубе в середине корабля. Убило четырех матросов и тяжело ранило старшего артиллериста лейтенанта Мочалина. Начавшийся пожар потушил унтер-офицер Вихорев. Под огнем японцев был натянут новый трос взамен перебитого. «Алмаз» имел артиллерию небольшого калибра и не мог существенно повредить японские бронированные крейсера. За убылью тяжело раненого Мочалина руководство артиллерией принял старший офицер, капитан второго ранга Дьячков. Он распорядился прекратить огонь из пушек самого малого калибра, так как их снаряды не долетали до неприятеля.

Около четырех часов дня в виду наших крейсеров показались японские броненосцы адмирала Того. Любой их снаряд мог потопить «Алмаз», но лейтенант Григоров, умело маневрируя, вывел крейсер из-под обстрела. В дальнейшем «Алмаз» успешно отбивал с другими русскими крейсерами атаки японцев на наши транспорты. С наступлением темноты, видя, что наши лучшие суда погибли, и получив сообщение с миноносцев «Буйный» и «Бравый» о передаче командования начальником эскадры адмиралом Рождественским следующему по старшинству, «Алмаз», как входивший в отряд адмирала О. А. Энквиста, должен был следовать за своим адмиралом, имевшим флаг на крейсере «Олег».

Однако Энквист предпочел выйти из боя и стал в сумерках уходить от остальных сил эскадры. За ним двинулись «Аврора»», «Жемчуг», «Алмаз» и «Изумруд». Но, поняв, что их адмирал вопреки приказу идет на юг, а не на север, «Изумруд» присоединился к остаткам эскадры, а крейсер второго ранга пошел на север. Командир спросил мнение Григорова о курсе. Николай Митрофанович ответил, что курс, по его мнению, надо взять к берегам Японии. Там наименее вероятна встреча с крупными неприятельскими судами, а от мелких «Алмаз» сможет отбиться. Решение было принято.

Избрав курс вблизи Японских островов, «Алмаз» пошел на запад. Правда, в темноте он чуть не погиб от столкно-

вения с поврежденным транспортом «Иртыш». Только мастерство Григорова помогло вывернуться из-под носа 11-тысячетонного транспорта.

В полной темноте шел крейсер на запад. Пытались увеличить скорость, но при прибавке хода до 18 узлов (скорость «Алмаза» была 19 узлов, то есть 33 километра в час) из труб начали сыпаться искры, вырывалось пламя. За ночь корабль прошел опасную зону и утром уже был вне досягаемости японцев, искавших в море уцелевшие русские суда. 17 мая он бросил якорь в бухте Стрелок, вблизи Владивостока.

За успешный прорыв И. И. Чагин получил орден св. Георгия, штурман Н. М. Григоров — орден св. Владимира с мечами и бантом за храбрость.

В Россию Николай Митрофанович возвратился на крейсере «Россия» и с 1906 года совместно с выдающимся адмиралом, участником обороны Порт-Артура Н. О. фон Эссеном и другими передовыми офицерами вел большую работу по восстановлению русского флота, находясь сначала на должности командира дивизиона миноносцев на Балтике, а с 1909 года вместе с академиком А. Н. Крыловым, инженерами Бубновым и Костенко участвовал в проектировании первых русских линейных кораблей типа «дрендоут», затем был назначен командиром строящегося линкора «Гангут». Под командой капитана первого ранга Н. М. Григорова линкор вступил в строй в конце 1914 года. Николай Митрофанович командовал им до июля 1915 года, затем получил назначение на должность начальника штаба командующего Балтийским флотом. В этой должности он служил до Февральской революции.

Под его руководством разрабатывались и осуществлялись планы боевых операций Балтийского флота в эти годы. Они помогли не только не допустить врага в наши воды, но и нанести немцам значительный урон. Из послужного списка Н. М. Григорова известно, что его деятельность в августе 1915 года была отмечена («за особые труды, вызванные обстоятельствами настоящей войны») орденом

св. Владимира 3-й степени, в ноябре «за отличие в делах против неприятеля» орденом св. Станислава 1-й степени с мечами. 21 ноября 1916 года Николай Митрофанович получил орден св. Анны 1-й степени с мечами — «за отличие в делах против неприятеля».

После Февральской революции адмирал Григоров был отстранен Временным правительством от активной оперативной борьбы и назначен командующим грузовым флотом Балтийского моря. С этой должности он вышел в отставку после Октябрьской революции.

Женился Н. М. Григоров довольно поздно на вдове своего товарища и воспитывал пасынка, учившегося в Морском корпусе.

После Октября, видя, что страна идет к гражданской войне и не желая принимать в ней участие ни на какой из сторон, адмирал Григоров с женой уехал в ставшую независимой Финляндию. В этом ему помог один из бывших моряков линкора «Гангут», сохранивший добрую память о своем командире и занявший после Октября видный пост. Позднее Н. М. Григоров жил в Германии, Франции. Какое-то время оставшаяся в России родня получала от него письма, но в начале 30-х годов эта связь оборвалась. В каком году умер Николай Митрофанович, мне не известно.

Крейсер «Алмаз» после войны на Дальнем Востоке вошел в состав Черноморского флота, принимал участие в первой мировой войне в качестве минного заградителя, во время революционных событий 1917—1919 годов моряки «Алмаза» принимали участие в установлении Советской власти в Одессе. После разгрома армии Врангеля в Крыму осенью 1920 года «Алмаз» в числе других судов нашего флота был уведен белогвардейским командованием в порт Безерта (ныне территория Туниса) и там, простояв много лет, разобран на металлолом.

До 1985 г.

ВОТЧИНЫ, ПОМЕСТЬЯ И УСАДЬБЫ ГРИГОРОВЫХ.

Временем появления Григоровых в пределах Костромской губернии (если не считать многочисленных представителей этой фамилии, относящихся к другим ветвям, также имевшим земельные владения в Костромской губернии) следует считать 1798 год, когда подпоручик Николай Васильевич Григоров, женившийся на дочери майора Афанасия Федоровича Соймонова (внучке известного деятеля времен Петра I, Елизаветы Петровны и Екатерины II Федора Ивановича Соймонова), получил в приданое поместье своей жены с усадьбой, известной под имением Березовка. В состав этого имения входили деревни Березовка, Вязовка и Оденчиха Владыченской волости, сперва бывшие в составе Кадыевского уезда, а по упразднении такового, отошедшие в Кинешемский уезд Костромской губернии. Туда же из старого владения Н. В. Григорова в Епифанском уезде Тульской губернии были переселены крестьяне, и населенная этими крестьянами деревня получила название «Ново-Троицкое», в память об епифанском имении — селе Троицком, Кобякове тож. А сама господская усадьба была переименована по имени ее владелицы, Анастасии Афанасьевны, в сельцо «Ново-Настасьинское», однако это название не удержалось, и впоследствии эта усадьба всегда звалась «Березовка». Это поместье Анастасия Афанасьевна получила в наследство от своей матери — Клавдии Афанасьевны Соймоновой, урожденной Невельской, скончавшейся в 1795 году.

Первоначально это имение было во владении Федора Ивановича и Прасковьи Ивановны Дмитриевых-Мамоновых, но в 1736 году его купил бригадир Иван Моисеевич Невельской, женатый на Екатерине Милюковой, от которой имел дочь — Клавдию Ивановну, вышедшую замуж за Бориса Пыжова. Помимо этого имения, во владении бригадира И. М. Невельского было много поместий в других губерниях. В последствии все они пошли в раздел между родственниками И. М. Невельского.

Сперва Кадыевское поместье было во владении дочери

бригадира — Клавдии Пыжовой, затем перешло к ее мачехе — второй жене Ивана Моисеевича, Матрене (которая по смерти мужа вышла замуж за Семена Рыкачева) и ее пасынку. Затем это имение, включавшее в себя 5500 десятин земли и около 300 душ крепостных крестьян обоего пола, перешло в собственность внука Клавдии Пыжовой, капрала осадной артиллерии Афанасия Григорьевича Невельского. От Афанасия Невельского оно досталось его единственной дочери Клавдии Афанасьевне, вышедшей замуж за Афанасия Федоровича Соймонова. И уже от Клавдии Афанасьевны это поместье перешло ее детям: Ивану, Анастасии, Марии и Анне Соймоновым. В 1803 году Анастасия Афанасьевна выкупила у своей сестры, Марии Афанасьевны, свою долю имения, а доли Ивана и Анны в деревне Вязовке были проданы князьям Вадбольским. По смерти Анастасии Афанасьевны имение досталось ее мужу, Николаю Васильевичу Григорову, и его детям и оставалось во владении потомков Николая Васильевича — сначала младшего его сына Ивана Николаевича Григорова, по смерти которого перешло к его вдове Надежде Михайловне, урожденной Карташовой, а по ее смерти в 1914 году — одному из сыновей ее, Ивану Ивановичу Григорову (1869—1921). К 1917 году всей земли в этом имении было лишь 254 десятины, а в усадьбе стоял одноэтажный деревянный дом.

Помимо усадьбы «Березовка» в деревне Оденчиха имелась еще одна господская усадьба того же названия, стоявшая на берегу реки Медозы. Этой усадьбой владела до самой смерти старшая дочь Н. В. Григорова — Мария Николаевна, переименовавшая усадьбу в честь владелицы в «Марьинское» и завещавшая ее своему племяннику, Александру Ивановичу Григорову (1856—1933). В этом имении к 1917 году было всего 148 десятин земли.

Старший сын Николая Васильевича, подпоручик Александр Николаевич Григоров, получил свою долю при разделе материнского имения, а затем, женившись на Марии Александровне Полозовой, совместно с ней купил в 1826 году у О. А. Бедняковой усадьбу Башкариха в том же Кинешемском

уезде, в одной версте от родовой «Березовки». Затем, увеличивая свои владения, он в 1837 году купил у наследников господина Савельева имение Малинки, в которое входила усадьба Александровское—Пеньки, пустоши Лабазная и Веретенка, а также деревня Кобячиха. У наследников господ Ржевских и Перковых им в те же годы было куплено имение Магуриха, в 6 верстах от Александровского. Ранее это имение находилось во владении грузинского царевича Григория Вахтанговича и было пожаловано ему еще при Петре I.

Впоследствии в этом имении были построены две усадьбы на земле, подаренной Александром Николаевичем своим невесткам: жене старшего сына, Ивана Александровича, — Прасковье Ивановне и жене младшего сына, Митрофана Александровича Григорова, — Анне Николаевне. По размерам оба эти имения были примерно одинаковы. Первое, Прасковьи Ивановны, имело земли около 800 десятин: в одном участке, где в 70-е годы была построена усадьба, получившая название «Ново-Покровское», 104 десятины и в других участках — остальное. Второе, Анны Николаевны, состояло из участка в 100 десятин, где так же в 1870-е годы был построен новый дом, и к нему было придано имение Магуриха, площадью около 600 десятин.

Перед 1917 годом Ново-Покровское, с землею 104 десятины, было во владении Виктора Ивановича Григорова, завещанное и оформленное по купчей от матери В. И. Григорова, а остальная часть имения вкупе с купленными мужем Прасковьи Ивановны, Иваном Александровичем, лесными дачами в районе деревень Гарнова, Дымницы, Котлова, и Григорова (частью в Кинешемском, а частью в Макарьевском уездах) была во владении всех трех сыновей Ивана Александровича — Ивана, Виктора, Алексея — и дочери Валентины. В этой части было свыше 2000 десятин.

Усадьба Александровское Анны Николаевны Григоровой, скончавшейся 26 февраля 1917 года, по ее завещанию должна была перейти во владение ее внуков (минуя сыновей и дочерей) — детей ее старшего сына, Александра Митрофановича Григорова. Земли в этом имении было 714

десятин, оно оказалось заложено, и на нем имелся долг дворянскому поземельному банку к 1917 году около 25 тысяч рублей. Имения же Ново-Покровское, Березовка и Марьинское в залоге не были. Сергей Николаевич Григоров в 1836 году купил у той же О. А. Бедняковой усадьбу и деревню Подрамки, но после освобождения крестьян там свободной земли не осталось, и эта усадьба перестала существовать вскоре после его смерти.

После революции в бывших усадьбах Григоровых — Александровском и Магурихе — был организован совхоз животноводческого направления. В 1919 году большой дом в усадьбе Александровское, где была богатая библиотека, сгорел по неосторожности тестя управляющего совхозом Ланского-Евреинова, занимавшегося в библиотеке до поздней ночи и, очевидно, заронившего там огонь от папиросы. После пожара центр совхоза был перенесен в Магуриху, но совхоз просуществовал недолго. В 1924 году был ликвидидирован, постройки, уцелевшие от пожара в Александровском, были постепенно разобраны окрестными жителями и администрацией близлежащей Александровской бумажной фабрики. В усадьбе Магуриха большой дом был разобран и перевезен для постройки так называемого «Народного дома» (или по-современному — клуба) в село Погост, но поставлен он там не был. Остальные постройки Магурихи постепенно также были разобраны, хотя до коллективизации сельского хозяйства там еще жило несколько крестьян, вышедших из деревень на так называемые «отруба», или хутора.

Усадьба Ново-Покровское сперва была превращена в сельскохозяйственную коммуну под названием «Борец», членами коммуны оказались маломощные крестьяне из деревень Башкариха, Малинки и др., но коммуна эта просуществовала недолго, постепенно жители — члены коммуны — переходили на положение индивидуальных хозяев, а после коллективизации 1929 года усадьба и вовсе была заброшена. Большой барский дом администрация Александровской бумажной фабрики впоследствии разобрала и перевез-

ла для постройки из него какого-то здания на этой фабрике.

В усадьбе «Березовка» после революции разместилось Троицкое лесничество, и там было местожительство лесничего и его контора. В 1929 году, после ликвидации лесничеств и организации леспромхозов, усадьба эта была заброшена, и постепенно обветшавший барский дом разрушился.

В усадьбе Марьинское после революции проживали хуторяне — эстонские переселенцы и потомки польских переселенцев, а после коллективизации эти лица разъехались и усадебные постройки были разобраны жителями деревень Вязовки и Оденчихи.

Все эти места, где некогда стояли цветущие усадьбы, превратились сперва в пустыри, а затем заросли молодым лесом, и месторасположение бывших усадеб можно определить только по сохранившимся отдельным деревьям, украшавшим усадьбы и не свойственным данной местности кедрам, лиственницам, дубам и тополям, а также по сохранившимся кустам сирени, жасмина и одичавшим многолетним цветам,

Часть пахотных когда-то земель тоже заросла уже довольно большим лесом, а некоторые поля засеваются колхозом и совхозом, организованными в селениях бывших Троицкой и Ивашевской волостей.

НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ СЕЛА СПАС—ЗАБОРЬЯ

Первые письменные документы по истории этого села — писцовые книги Владыченской волости Кадыевского осада за 1627—1629 годы. В те годы и много позднее этот населенный пункт именовался «Погост», и в нем была только деревянная церковь и несколько домов (дворов) священно-церковнослужительских.

Погост этот входил в состав имения, в которое, кроме этого погоста, включались деревни Жеговатка, в 2-х верстах вниз по течению реки Медозы, и деревня «Починок Наумов», обычно называемая просто «Починок», — напротив Жеговатки, но на правом берегу Медозы.

На протяжении трехсот лет это поместье переменило множество владельцев. В XVII веке имением владели помещики Башмаковы, Захаровы, позже — Водорацкие, в 1788 году — Н. В. Лодыженский, а от него это имение перешло в род Леньковских, которые и владели имением до отмены крепостного права в 1861 году.

В селе в 1814—1817 годах была построена на средства прихожан каменная церковь с каменной же колокольнею и каменной оградой. При церкви существовало два клира, так как приход был очень большой. Средства на постройку храма собрали прихожане и владельцы имений, входивших в этот приход. Чихачевы, Ефимьевы, Леньковские, Григоровы также пожертвовали на постройку каменного храма значительные суммы.

При упразднении Кадыевского уезда в 1797 году вся Владыченская волость, и в том числе «Спас-Заборье», вошла в состав Кинешемского уезда. В передаточной ведомости, хранившейся в Костромском госархиве, в фонде 138 записано: «Погост, а что ныне село Заборье-Спас, в нем церковь Всемилостивейшего Спаса и чудотворца Николая, каменная. И при селе дворов священно-служительских 4 в них душ мужских 4 и женских 4».

В другой ведомости написано так: «Оное село стоит на левом берегу реки Медозы, в нем церковь с колокольней и

оградой каменные, храм во имя Живоначальныя Троицы с двумя приделами — Спаса нерукотворенного и Николая чудотворца. При храме два клира».

Заселение села Спас-Заборья крестьянами началось лишь после отмены крепостного права. В 1872 году в селе было уже 7 крестьянских дворов, в них жили 29 душ. В 1903 году население Спас-Заборья — это 41 душа мужского пола и 51 душа женского пола, а в 1907 году было уже 23 крестьянских двора и в них жили 65 душ мужского пола.

В описании 1796 года значится, что в «Погосте-Спаса, зовется «Заборье», церковь ветхая, деревянная, во имя Спаса Неруктворенного и при церкви два двора поповских, да еще два двора — пономаря и просвирницы».

В более позднее время, перед революцией 1917 года, село Спас-Заборье состояло из трех частей.

Первая часть называлась «Поповкой», в нее входил храм и дома священнослужителей: священника Василия Богданова, священника Александра Панова, дьякона Павла Степанова, псаломщика Алексея Калинникова и домик, в котором жила просвирница (имя ее я не помню) с братом Владимиром Ивановичем, служившим в местном почтовом отделении «приемщиком писем». В ограде церкви, с левой стороны храма, было фамильное кладбище семьи Григоровых из усадеб Березовка, Ново-Покровское и Александровское.

Справа от храма были дворы двух братьев — Алексея Романова и Николая Романова. Алексей был «богомазом», то есть мог писать иконы, а также занимался позолотой, а Николай служил полицейским урядником.

Между храмом и рекой Медозой был «торговый центр» — там располагались лавки: в 1913 году открылась лавка потребительской кооперации, а позже, уже после революции во времена НЭПа, — магазин бывшего полицейского урядника И. О. Кокурина. В 1913 году открылось также кооперативное «Кредитное товарищество».

Между магазинами на свободной площади проходили ярмарки. Было их две: весенняя, в день Троицы, и осенняя, в

Спасов день, то есть 6 августа старого стиля. На ярмарку съезжалось много торговцев с разными товарами, в том числе так называемые «Князья» — казанские татары, обслуживающие все отдаленные и глухие места. Они торговали «красным товаром», то есть всякого рода мануфактурой. Это были «коробейники», всем знакомые по поэме Н. А. Некрасова. Обязательным на ярмарке был народный театр—«знаменитый Петрушка». Устраивались также карусели и качели. Обычно ярмарки проходили по три дня. На них съезжались и сходились чуть ли не все жители Троицкой волости, а также люди из ближних соседних волостей — Ивашевской, Клеванцовской.

А какое чудесное деревенское пиво варилось в каждом доме — как в самом селе Спас-Заборье, так и во всех деревнях прихода! Теперь такого пива не попробуешь. Нет ни солода, из которого варилось пиво, нет (не сохранилось) и специальной посуды — громадных глиняных корчаг с «рыльцем» внизу, да нет уже в живых, вероятно, и мастериц варить это пиво.

Если идти от «Поповки» и храма по дороге на деревню Жеговатку, то с правой стороны дороги можно увидеть огромное кладбище, на котором хоронили всех умерших жителей прихода. Это кладбище находилось между дорогой и рекой Медозой. Оно все заросло березами. На кладбище была отдельная ограда с могилами Григоровых — тех, что не «попали» на фамильное кладбище Григоровых в церковной ограде.

Далее протекала маленькая речка, впадавшая в Медозу, и эта речка отделяла так называемую «земскую» часть села. Там были расположены фельдшерско-акушерский пункт и дома для квартир медицинских работников, агрономический пункт с квартирой для агронома, склад сельскохозяйственных орудий и склад семян, затем коммутатор — центральная телефонная станция (в квартирах фельдшера, агронома и других были проведены телефоны). Была также ямская станция, содержавшаяся В. М. Баньковским. Началось строительство больницы — каменного здания, которое к октябрю 1917 года оставалось недостроенным, а потом, уже

много позднее, его приспособили под молокозавод. Это был, так сказать, «уголок сельской интеллигенции».

Следует сказать несколько слов о заведующем фельдшерским пунктом Казимире Петровиче Салинкевиче. Потомок ссыльного (после восстания 1863 года) поляка, он учился в Варшавском университете на медицинском факультете, но его не закончил и врачебного диплома не имел. Однако земство, испытывая недостаток в медицинских кадрах, сочло возможным этого студента, недоучившегося медика, принять на должность фельдшера и поручить ему заведование Спас-Заборским фельдшерско - акушерским пунктом. К. П. Салинкевич был, несомненно, очень талантливый человек и имел неплохие медицинские знания. До приезда в Спас-Заборье он работал в каком-то другом фельдшерском пункте Костромской губернии и имел большой опыт в медицине. Он проработал в Спас-Заборье около 20 лет и снискал у местного населения доверие к себе, как прекрасному медику. Кроме того, он был хорошим химиком, фотографом и мог разбираться в разного рода технике, обращавшейся тогда в быту: швейных машинах, велосипедах, граммофонах, фотоаппаратах. В Пасхальную ночь он был всегда организатором и устроителем грандиозного фейерверка, начинавшегося одновременно с ударами колокола, возвещавшего наступление «Светлого праздника» и Пасхальной заутрени.

Но с моральной стороны К. П. Салинкевич не заслужил к себе уважения в основном из-за злоупотребления спиртным. Эта пагубная страсть сильно вредила его репутации. В семейной жизни он также вел себя достаточно аморально. Его жена была тихая, скромная и совершенно забитая женщина. Имели они трех сыновей, два младших (я их знал, когда им было по 11—13 лет) тоже производили впечатление каких-то забитых существ. Старший сын, Иван, когда я с ним познакомился, уже служил на военной службе. Отслужив, он поступил работать на завод «Шуганха» в 9 верстах от Спас-Заборья. Это был химический завод, вырабатывавший уксусную эссенцию и какие-то порошки. Там он работал делопроизводителем в конторе.

С начала революции 1917 года К. П. Салинкевич «загорелся революционным пылом», вступил в партию большевиков и после Октября 1917 года был назначен «комиссаром по здравоохранению» Кинешемского уезда. Но его моральный облик оказался не в соответствии с требованиями момента, и он был вскоре исключен из членов РКП(б) и возвратился на прежнее место в Спас-Заборье. Примерно в 1924 году его перевели заведующим медпунктом на одну из кинешемских фабрик, с условием, что он «воздержится» от спиртного, и там, через несколько месяцев службы на новом месте, Казимир Петрович окончил свои дни. Несмотря на его недостатки и пороки, он оставил среди народа о себе добрую память. И врачи соседних больниц — Адищевской и Семеновской — отдали должное этому самородку-медику, технику — словом, мастеру на все руки.

Там же, повыше медицинских зданий, находилось помещение для ветеринарного пункта, которым заведовал ветфельдшер А. Д. Приоров. А агрономическим пунктом заведовал старейший агроном Кинешемского уезда Петр Петрович Соболев, который до постройки агропункта в Спас-Заборье квартировал в усадьбе Александра Ивановича Григорова Марьинское, где земство арендовало у А. И. Григорова нужное помещение. Помощником П. П. Соболева был агрономический староста В. И. Любимов, квартировавший в селе Спас-Заборье. Потом ушедшего в отставку П. П. Соболева сменил молодой агроном Иван Осипович Жарков.

В основной части села Спас-Заборья, на другой стороне небольшого ручейка, отделявшего «Поповку» от остальной части села, населенной крестьянами, располагалась земская начальная школа. Она была основана вскоре после реформы 1861 года — в 1867 году — и размещалась в хорошем, специально для школы построенном здании, с квартирой для учительского персонала. В этой школе долгое время учительницей была Мария Васильевна Богданова, дочь местного священника о. Василия. Потом, в связи с увеличением числа учеников, была назначена второй учительницей только что окончившая Кинешемскую женскую гимназию Р. Ф. Сальникова.

Рядом помещалось Спас-Заборское волостное правление —в большом специально построенном вскоре после реформы 1861 года здании. Там же заседал и волостной суд. Волостным старшиной был местный крестьянин Одинцов, а писарем — Савелий Кузьмич Чернигин. Как обычно, все дела «вершил» писарь, обычно хорошо грамотный, разбиравшийся в законах, а старшина осуществлял лишь «символическую» власть. Имея на руках печать, старшина нередко бывал со столь слабыми познаниями в грамоте, что умел лишь едва-едва нацарапать свою фамилию под той или иной бумагой.

В этой части села было три каменнных дома наиболее зажиточных крестьян: нижний этаж — кирпичный, верхний — бревенчатый. Один принадлежал зажиточному крестьянину Краснову, другой — Артемию Федоровичу Буленеву. Этого наиболее зажиточного мужика в селе следует определить, по современной терминологии, как «кулака»: он занимался барышничеством — ездил на конские ярмарки, закупал там лошадей, приводил их в Спас-Заборье и там с выгодой перепродавал местным крестьянам, нуждающимся в конском поголовье. Артемий умер перед самой революцией, и дом достался его родственнику — Ивану Фроловичу Буленеву «Большому». Третий каменный одноэтажный дом принадлежал Ивану Фроловичу Буленеву «Младшему». Все крестьянские дома в селе были хорошие, крытые тесом или дранкой, соломенных крыш не бывало.

В этой же части села находилась «Казенка» — винная лавка, называемая еще «монополкой». В 1914 году, когда была прекращена торговля водкой, здание этой «казенки» было предоставлено под «Народный дом» — так назывался тогда деревенский клуб. Там же размещалась библиотека, в которую после национализации помещичьих имений были свезены книги и журналы из усадьбы «Ново-Покровское», принадлежавшей в 1917 году Виктору Ивановичу Григорову, постоянно проживавшему в Москве.

В усадьбе же жила его сестра — Валентина Ивановна, пожилая девица, к тому же бывшая около 10 лет в сумасшедшем доме. Она жила там под наблюдением сиделки из

дома умалишенных. При национализации усадьбы «Ново-Покровское» В. И. Григорова с сиделкой были выселены из дома и нашли приют у священника села Спас-Заборья о. Василия Богданова, предоставившего этим женщинам самую большую комнату в только что отстроеном новом своем доме. Сиделка Евгения Парфеновна Воробьева в Спас-Заборье поступила библиотекаршей в «Народный дом».

В 1922 году В. И. Григорову взял к себе муж ее сестры Григорий Федорович Хомутов, проживавший в Костроме. А после отъезда Валентины Ивановны уволилась и уехала к себе на родину ее сиделка Е. П. Воробьева.

Следующий за «Народным домом» двор был занят почтовым отделением, которым заведовал некто Малышев. За волостным правлением протекал еще один ручей, или маленькая речка, через которую был переброшен мост по дороге в усадьбу «Марьинское», и за этой речкой стоял только один двор крестьянина Кабанова.

Многие жители Спас-Заборья имели свои пасеки, место для разведения пчел было идеальное по обилию в окрестностях медоносных растений, и доход от пчеловодства жители имели немалый.

Река Медоза кишела рыбой, особенно много в ней водилось налимов. Один из жителей занимался добыванием этой рыбы и вылавливал ее столько, что сбыта на месте не имел и увозил свою добычу или в Кинешму, или в село Семеновское — там и тут имелисв еженедельные базары, на которых он и сбывал своих налимов.

От села Адищева Спас-Заборье находилось на расстоянии 18 верст. Через Заборье проходила дорога из села Воскресенского и деревни Клеванцово, по этой дороге вывозилась в Кинешму продукция химических заводов, находившихся в Троицкой волости (Шуганха), Клеванцовской и Семеновской (Козловка, Баделиха и др.) На этих заводах вырабатывлася поташ, серная кислота, уксусная эссенция, древесный спирт и другие лесохимические продукты.

От Спас-Заборья дорога шла через деревни Жеговатка, Малинки, затем проходила по земле усадьбы Александровское, где был мост через реку Медозу, тянулась через деревни Данильцево, Горки, Левково и на 23-ей версте выходила на Галический тракт. После пересечения тракта оставался лишь небольшой отрезок пути до села Адищева.

В 1923 году, в связи с «укрупнением» волостей, Троицкая волость с центром в селе Спас-Заборье была упразднена и ее территория вошла в состав Адищевской волости с центром в Адищеве, а в Спас-Заборье остался лишь сельский совет.

В истории села Спас-Заборья следует отметить большой пожар, произошедший в 1909 году, когда выгорело много крестьянских дворов, но «Поповка», а также земские строения, школа, волостное правление от пожара не пострадали. Примерно в те же годы было другое «ЧП» — ограбление церкви, когда были похищены проникшими через окно грабителями все церковные суммы и некоторые ценные предметы культа. Полиции удалось найти преступников, которые и были осуждены в каторжные работы. Но это были не местные грабители, а приезжие.

В Троицкой волости располагались 4 дворянских усадьбы. На реке Медозе — Марьинское, Александра Ивановича Григорова, там была мельница, а размер землевладения был весьма невелик: всего 148 десятин земли. От села эта усадьба находилась в расстоянии один-полтора километра. На этой же реке Медозе, в 6-ти верстах ниже Спас-Заборья, была усадьба Александровское Анны Николаевны Григоровой, с 104 десятинами земли. Ей же принадлежала другая усадьба «Магуриха», которая сдавалась в аренду земству, и там был организован случной пункт с двумя десятками племенных жеребцов — производителей рысистой и арденской пород.

В 1917 году управляющим Магурихой был назначен Иван Иванович Григоров, но вскоре после Октябрьской революции земский племенной конский пункт прекратил свое существование. Потом Магуриха стала центром совхоза,

переместившимся из сгоревшей 8 ноября 1919 года усадьбы Александровское. Непродолжительное время директором его являлся В. А. Рогунов, а затем — бывший директор Александровского совхоза В. И. Любимов, перед войной 1914 года состоявший агрономическим старостой Спас-Заборского агрономического пункта.

На реке Киленке стояла усадьба «Березовка», последним владельцем которой был Иван Иванович Григоров. После революции в этой усадьбе размещалось Троицкое лесничество, лесничим служил М. А. Охримюк, а делопроизводителем некто Люстров — бывший полицмейстер города Иванова. А потом на должности делопроизводителя его сменила моя сестра Л. А. Григорова.

Ниже по течению реки Киленки была усадьба «Ново-Покровское», последний ее владелец — Виктор Иванович Григоров. В усадьбе было земли немногим больше 100 десятин, но к ней принадлежали еще и лесные дачи в Макарьевском и Кинешемском уездах, площадь которых была свыше двух тысяч десятин. В 1918 году в этой усадьбе образовалась коммуна под названием «Борец» из полутора десятков беднейших крестьян из деревень Малинки, Башкириха и др. Но коммуна эта через несколько лет распалась, часть ее членов построила себе невдалеке дома и стала вести единоличные хозяйства, а большая часть разбежалась — кто куда. Как только было истрачено все, составившее материальную часть, то есть зерно, фураж и прочее, так и пропал стимул к дальнейшему хозяйствованию у этих коммунаров.

Более в Троицкой волости дворянских усадеб не было, кроме этих четырех, которые все принадлежали роду Григоровых.

На пути в Адищево между деревнями Горки и Левково (чуть в стороне от дороги, на берегу реки Меры) стояла усадьба Панькино, это была одна из древнейших усадеб Костромского края с каменным двухэтажным домом со сводчатыми подвалами. Последним владельцем Панькина был П. П. Варфоломеев, умерший в 1915 году. После рево-

люции в усадьбе поселились несколько семейств из деревни Левково, где они и жили до коллективизации 1930 года. Потом этот старинный дом был разобран на кирпич.

Еще одно событие из истории села Спас-Заборья.

В мае месяце 1917 года, в праздник св. Троицы — храмовой праздник церкви, как обычно, состоялось торжественное богослужение, обедня, и храм был до предела заполнен молящимися прихожанами. Служили в церкви оба клира. Во время обедни разразилась сильнейшая гроза. Громовые удары следовали один за другим и были необычайной силы. И один разряд молнии ударил прямо в купол храма, молния прошла в алтарь, зажгла занавес в царских вратах и на позолоте царских врат оставила черный след. Находившиеся в алтаре два священника, дьякон и псаломщик были оглушены, и у них парализовало ноги. Но как ни странно, из молящихся прихожан был насмерть поражен один крестьянин из деревни Кобячиха. Конечно, служба в церкви прекратилась, пострадавших духовных лиц вынесли из церкви, и прибывший на место фельдшер К. П. Салинкевич оказал помощь пострадавшим. Это было в мае 1917 года, и многим этот случай казался «наказанием Божьим» за то, что произошла революция и стали нарушаться веками установленные обычаи и уклад жизни.

Вот, пожалуй, и все, что я знаю из истории села Спас-Заборья и о людях, когда-то проживавших там.

13 марта 1987 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр Александрович Григорев

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Отв. ред. Ю. В. Лебедев.

Составитель Н. А. Зонтиков.

Отв. за выпуск А. В. Соловьева.

Технич. редактор А. В. Соловьева

Корректор А. В. Соловьева

Подписано в печать 21. 09. 90 г. Формат 60 х 84 1/16.. Бумага газетная. Уч.—издат. л. 5. Тираж 2000 экз. Заказ 3691

Цена 2 рубля 50 копеек.

Костромское отделение Всероссийского фонда культуры.
165001. Кострома. Молочная гора 8/6.

Островская типография Костромского управления издательств, полиграфии и книжной торговли.

156960. Островское, Костромской области, ул. Советская 54.

Цена 2 руб. 50 коп.